

МИЛОВ

Владимир Михайлов

ВОСТОЧНЫЙ КОНВОЙ

«Автор»

1995

Михайлов В. Д.

Восточный конвой / В. Д. Михайлов — «Автор»,
1995 — (Милов)

В стране биороботов трудно остаться человеком. И тем не менее бывшему сотруднику Интерпола Милову удастся проникнуть в замыслы правителей Технеции и внедриться в обслуживающий персонал военного конвоя. Сможет ли Милов предотвратить широкомасштабную диверсию на границах России?

© Михайлов В. Д., 1995

© Автор, 1995

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	27
Глава третья	40
Глава четвертая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир МИХАЙЛОВ ВОСТОЧНЫЙ КОНВОЙ

Часть первая «Классное занятие»

Глава первая

1

(Отсчет не ведется)

Самолету наверху было одиноко. Такова судьба их, – одиночество дает безопасность, хотя и тяготит порой. Но когда самолеты в небе встречаются, это означает катастрофу.

Предчувствие катастрофы не оставляло Милова с самого начала полета. Оно возникло, едва лишь лайнер «Люфтганзы» оторвался от взлетной полосы и, оставляя внизу и позади аэропорт и весь город Франкфурт на Майне, набирал высоту, чтобы лечь на нужный курс и через несколько часов приземлиться – если ничего не произойдет – в аэропорту города Атланты, штат Джорджия, США.

Милов уважал предчувствия. Они редко обманывали его. Если бы ощущение опасности зародилось у него еще на земле, он, скорее всего, отложил бы полет. Теперь он не мог сделать ничего, что хоть как-то предотвратило бы опасность.

Он сидел, опершись плечом о спинку кресла, повернувшись на сиденье наискось, чтобы таким образом отделиться от остальных пассажиров, заполнявших кабину, и создать себе привычное состояние одиночества, свойственное ему (как он сейчас думал) не в меньшей степени, чем самолетам в высоте. Может быть (думал он) отставному полицейскому и следует быть одиноким, чтобы никому не портить жизнь: долгие годы службы способствуют утяжелению характера. Милов привык уходить в капсулу одиночества, даже находясь в толпе. И сейчас применил этот же прием, чтобы расслабиться и освободиться от трудно определимой, и все же явственно ощутимой тревоги.

Некоторое облегчение приносила мысль о том, что предчувствия, посещавшие его, сбывались по-разному. Одни – немедленно или почти немедленно, другие – лишь со временем. Про себя он называл их «отложенными штрафами», пользуясь хоккейным термином.

Может быть, впрочем, на возникновение скверных предощущений повлиял и недавний разговор со старыми друзьями, в котором было сказано и услышано много всякого.

Последнее предчувствие – последнее до нынешнего часа – сбилось сразу. Оно навестило Милова пять дней тому назад, во время очередной бессонницы. Где-то в середине ночи, окончательно разуверившись в возможности уснуть, он почувствовал вдруг твердую уверенность в том, что сию минуту ему позвонит Ева. Ощущение было настолько сильным, что он тут же поднялся и пошел в ванную бриться – хотя телефон его не был оборудован видеоблоком, и Ева никак не могла бы разглядеть двухдневную щетину.

Он втирал в свои впалые щеки лосьон, когда телефон грянул – застрочил короткими очередями, частыми, как пульс бегуна на финише дистанции.

Милов метнулся к аппарату, распластываясь в воздухе, словно бы бросался на вооруженного противника, чтобы выбить из его руки финку или ствол. Схватил трубку.

То была действительно Ева. Слышно было прекрасно, как и всегда, когда звонили из Штатов, а не откуда-нибудь из Бибирева или Выхина.

– Что ты делаешь? – Это была всегдашняя ее манера: обходиться без предисловий.

– Не сплю.

– Естественно. Хотя... ну да, у вас же ночь. У тебя ночь?

– Пока еще ее не отменили.

– А чем занимаешься днем? Всё ловишь гангстеров?

– Да нет, – сказал Милов после крохотной паузы. – Уже не ловлю. Вышел, как говорится, в тираж. .

– Неужели?

– Так полагается. Прошло мое время. Одно прошло, другое пришло... Жизнь, одним словом.

– Ты ведь еще совсем не старый.

– Ну, в общем... так получилось.

– Тебе грустно?

– Не без того.

– О, не надо грустить. Только сейчас для тебя и начнется настоящая жизнь. Много свободного времени, можно путешествовать, объездить весь мир. Я права?

– Хочу увидеться с тобой, – эти слова вырвались у него невольно.

– И мне тоже очень хочется!

Такие желания возникали у Евы раз или два в год. Что у нее было в промежутках, Милов не знал и не хотел знать.

– Ты и в самом деле очень хочешь встретиться?

Словно бы она и так не знала. Милов проглотил комок и ответил:

– Приезжай. Тогда сама поймешь.

– Не могу. У меня пациенты, и надвигается конференция. Очень много сумасшедшей работы. Поскучай еще немного. Я тоже буду скучать. Сейчас у меня просто нет времени. Пойми и не обижайся. Как только смогу, позвоню тебе, и ты приедешь. Если только (тут голос ее сделался чуть более напряженным) ты действительно свободен. У тебя ведь никого не появилось? Ты и на самом деле свободен?

– Как ветер.

– Ты мне изменяешь? Сознаться немедленно!

– Каждый день, – улыбнулся он. – А ты?

– С утра до вечера только тем и занята, не беспокойся.

– Ах, вот на что уходит твое время! Я уязвлен до глубины души, разгневан, взбешен и жажду крови.

– Я так и знала. Поэтому буду ждать тебя здесь. Где-нибудь через месяц. Или даже раньше, может быть. Тогда и прилетишь свободно, как ветер.

– Ветру легче, – сказал Милов. – У него нет проблем с передвижениями. А у меня есть.

Он не стыдился признаваться в бедности. Бедность была той ценой, какую приходилось платить за чистую совесть; по мнению Милова – ценой не слишком дорогой. У Евы обстоятельства были более благоприятными, но и ей швыряться деньгами не приходилось. Да американцы и не любят этого.

– Ты о деньгах? Не беспокойся, на этот раз все складывается весьма удачно.

– Получила наследство?

– Все, слава Богу, здоровы. Нет, просто так сложились дела. Так что нужно лишь немного терпения. Вот и всё пока. Не грусти. Набирайся здоровья. Как только смогу – немедленно позвоню тебе. Целую.

– И я тебя. Желаю успеха на твоей конференции. Бай-бай...

«Интересно, – подумал он, положив трубку и присев на диван. – Мое предчувствие оправдалось, только не совсем в том виде, в каком я его ощущал. Кто его знает – может быть, я что-то не так понял, когда Мерцалов говорил, что мне в эти дни должно сильно икаться... Ошибся? Или же... это был не последний звонок? Ну что же – во всяком случае, у меня и на самом деле возникло неопределенное количество свободного времени. Потому что мне-то представлялось, что лететь надо будет немедленно. Придется поразмыслить над тем – как использовать его с наибольшей пользой. Или – это ближе к истине – с наименьшим вредом. Безболезненно убить месяц, или сколько там получится...»

2

(Обратный отсчет по-прежнему не начат)

Месяца, однако же, не получилось. Всего четверо суток.

Вечером четвертого дня, если считать от предчувствия и звонка, он вернулся домой довольно поздно – после театра. Теперь хватало времени и на то, чтобы ходить на спектакли и в концерты – не на самые лучшие, разумеется, места. Но уж став пенсионером, надобно быть им до конца. Посмотреть мир – на это денег не хватало, но на хлеб и кое-какие зрелища еще можно было раскошелиться.

Он пил цветочный чай на кухне, куда был перетащен и телефон; длинный шнур позволял иметь его под рукой даже в ванной. Трудно было привыкнуть к тому, что никто не собирается нарушить его покой требовательным звонком; никому-то он стал не нужен. А ведь были времена, когда телефон просто-таки разогревался от непрерывной работы – так, что трудно было удержать трубку в пальцах. Но великий говорун превратился в великого немого, и примириться с этим оказалось нелегко. Скоро, пожалуй, дойдет до того, что придется самому слать себе записочки по факсу. Но почему-то в это он не верил. Вот и сегодня, как раз, когда он выходил из театра, забрезжило предчувствие скорого беспокойства. Но, может быть, на сей раз то опять был отложенный штраф?

Звонок застиг его именно на этой глубокой мысли. Пронзительный и дробный. Не городской. Заставляющий мгновенно подхватиться, словно колокола громкого боя на военном корабле. Снова Ева?

Милов сорвал трубку.

Голос – незнакомый, мужской. Язык – английский. Заокеанский вариант. Южный.

– Мистер Милф?

Он позволил себе помолчать долю секунды – чтобы пережить великолепное ощущение, какое возникает перед прыжком в ледяную воду. Но когда ответил, голос звучал спокойно, с едва уловимой ноткой недовольства:

– Я слушаю.

– С вами будет говорить доктор Хоксуорт. Одну минуту.

Доктор Хоксуорт? Ин-те-рес-но...

Другой голос возник почти сразу.

– Мистер Милф, я доктор Хоксуорт. Вынужден сообщить вам не самую утешительную новость. Мисс Блумфилд вчера попала в эксидент и сейчас находится в госпитале.

Мисс Блумфилд – это была Ева. После развода с Риксом она вернула себе добрачную фамилию.

– Что... что с ней? – Собственный голос показался ему незнакомым. В нем возникла дрожь, между словами будто кто-то вколачивал клинья, разгоняя их подальше одно от другого.

– Состояние достаточно серьезное, хотя сохраняются все надежды. Тем не менее, она просила передать вам, чтобы вы, не откладывая, приехали повидаться с ней. Атланта, штат Джорджия... Если вы вылетите уже завтра...

– Завтра? – повторил Милов несколько оторопело. – Не уверен, что смогу так сразу... сделать все необходимые приготовления.

– Мистер Милф, мисс Блумфилд предполагала, что могут возникнуть затруднения. Но мы – большие друзья, работаем по соседству, и договорились всё уладить. Вы не должны задерживаться. Мы берем на себя...

– Нет, – сказал Милов. – Не мой вариант.

Он давно привык избегать денег, появляющихся неизвестно откуда. Нет, Еву он ни в чем не подозревал. Но ее провести было проще простого, в этом Милов был более чем уверен. Во всяком случае, именно так он и должен был реагировать на неожиданное предложение. Как говорится, хоть беден, да честен.

Кажется, его сомнения были восприняты правильно.

– Не беспокойтесь: никто не собирается делать вам подарки. Всё в порядке вещей: дают кредит. Близким друзьям Евы известно кое-что и о вас, так что мы нашли выход. У вас здесь будет возможность немного заработать – сможете рассчитаться, и еще останется кое-что.

– Предлагаете лекции? – оживился он. В один из его приездов к Еве ему удалось прочесть небольшой курс лекций в тамошней полицейской академии, и несколько поправить свои дела.

– В этом роде, – сказал Хоксуорт. – Как это у вас называется – обмен опытом, не так ли? Опыта Милову было не занимать, на этот счет он был спокоен.

– Итак, можно передать Еве, что вы прилетите?

– Уже укладываюсь.

– Очень хорошо. Мой приятель – он сейчас по делам в Москве – завтра занесет вам билет и деньги. Виза у вас, по ее словам, открытая?

– Совершенно верно.

– Тем проще. Вылетайте. А в аэропорту я вас встречу. Из Москвы летите до Франкфурта, там пересядете на прямой – в Атланту. Итак, окей?

– Окей.

– Ждем.

И зазвучали гудки отбоя. Без долгих послесловий и прощаний.

– Забавно... – пробормотал Милов, усвоивший уже привычку одиноких людей разговаривать вслух с самим собой. – Выходит, что...

Остальное он додумал безмолвно. Снял трубку, по памяти набрал номер. Дождавшись ответа, сказал негромко:

– Мерцалова мне.

– Как доложить?

– Отставник Интерпола.

– Обождите у телефона.

И почти сразу прозвучало:

– Мерцалов.

– Добрый вечер, Миша.

– А, привет, привет, – ответили ему. – Ну, что слышно?

– Наверное, завтра не увидимся.

– А что стряслось?

– Уезжаю. Как и предполагалось. Вот, укладываюсь.
Там помолчали. Потом уточнили:
– Значит, звонок был.
– Не совсем такой.
– Ничего. Суть не меняется. Или, по-твоему, что-то не так?
– Конечно, не так, – сказал Милов почти сердито. – Что Ева попала в аварию – это что, нормально?
– Увидишь на месте. Ты в форме?
– Процентом на девяносто.
– Мало. Нужно сто двадцать. Видимо, мы должны повидаться.
– Не остается времени.
– Значит, увидимся сейчас, – ответили с того конца. – Подъезжай, не медли. Только не сюда. Ко мне домой. Кстати, и ребята обещали подойти: Эскулап, Географ... Распишем пулечку, раздавим пузырек, может быть, поболтаем за жизнь. Эскулапу не лишне показаться заодно. А Географ грозитя накормить досыта самыми свежими сплетнями о мире. Словом, надо тебе прибыть немедленно. – Мерцалов помолчал. – А вообще интересно... Десятерная втемную, нет?
– Хуже, – сказал Милов. – Мизер втемную. – И повесил трубку.
Глубоко вздохнул. Поморщился, представив себе долгий, нудный полет. Но тут же глянул на фотографию Евы, улыбнулся и полез в стенной шкаф – за многострадальной дорожной сумкой.

3

(Начат обратный отсчет: 240 часов до)

Поболтали действительно в свое удовольствие. Выпили самую малость хорошего вина. Расслабились. Пулечку, впрочем, расписывать не стали – решили отложить до миловского возвращения.

– Да и я, кстати, успею вернуться, – сказал Мерцалов. – Тут у меня возникла приятная возможность: небольшой круиз по ближним морям-океанам. Подышу соленым воздухом. А то давно уже...

Происходил Мерцалов из моряков, и время от времени уходил в море по каким-то своим (как предполагал Милов) делам. Он и Милов служили в разных конторах, но контактировали издавна.

– Эти мне моряки, – сказал Эскулап. – Давай-ка я лучше, раз уж так получается, погляжу на тебя в натуре, Даниил-заточник. Ты ведь и прививок наверняка не сделал?

– Вот-вот, – сказал Мерцалов. – Нашего медикуса хлебом не корми, дай только уязвить кого-нибудь длинной иглой. У него, как ты понимаешь, всегда случайно в кустах оказывается роаль.

– *Omnia mea mecum porto*, – процитировал Эскулап.

– Что означает: он никогда не выходит из дому без порток, – весьма вольно перевел Мерцалов. – А ты, Географ, тоже не удержишься от напутствия убывающему?

– Да ну, – сказал четвертый из присутствовавших. – В школе по географии у него всегда были пятерки. Даже когда он ни черта не знал. А с памятью у него вроде всё пока еще в порядке. Главное, мент, не забудь: в круглых числах – двести сорок часов. И маленький плюс-минус. Но на плюс не очень полагайся, лучше рассчитывай на минус. Двести сорок часов. Это у меня

все. – Он зевнул. – Господи, на рыбалку никак не выбраться. Люблю хорошую рыбалку, люблю, когда основательно клюет на живца, когда удочка гнется, да не ломается...

– Сачок бы не прорвался, – сказал Мерцалов. – Только по-моему у тебя еще что-то осталось на душе, Америго Везуччи.

– Мир полон слухами, – задумчиво проговорил Географ. – Где-то дешевают бананы, дорожают грибы. Для примера могу назвать парочку рынков в низких широтах. Хотите?

Они захотели, и он назвал.

– Твою контору это заботит, – сказал Мерцалов.

– Словно бы твою – нет? – откликнулся Географ.

– Да, – сказал Мерцалов хмуро. – Ходил Ваня по грибы. Да весь вышел.

– А что стряслось? – спросил Милов настороженно.

– Видно, волки съели. Подробностей пока не имеем.

– Может, в дырку провалился?

– Дырки – те, что мы знаем – по сведениям, не замешаны. Кстати, их практически уже кончают замазывать. Но может быть еще какая-то – или какие-то – о которых мы не знаем. Вот попадешь ты, Данила, в лес – гляди под ноги. Хорошо бы в лесу, конечно, повстречать девицу-красавицу, с большой родинкой под левым глазом, на самой на скуле, – она, глядишь, и вывела бы...

– Ваню не вывела, – сказал Географ.

– Да ладно, – сказал Эскулап. – Что мы всё о делах; не на службе...

– А служба у нас такая, – сказал Мерцалов, – а служба у нас простая, усёк, полицейст, насчет политики цен на грибы и прочее? Запомни на всякий пожарный.

– Ладно, – сказал Милов. – Все будет окей.

– Вот ножки подводят, – сказал Эскулап. – Для такого мужчины ножки, скажем прямо, тонковаты. В футболисты он не годится. Ладно, поглядим, чем тут можно помочь...

– Значит, так, – сказал Мерцалов. – Ты, видимо, всё усвоил. Теперь катись-ка спать, пенсионер, отставной козы барабанщик. В шесть утра навестишь Эскулапа, он тебе нарастит мускулатуру, доведет до кондиции, – не верти носом, приказ! Потом увидимся с тобой в одно касание – и прощай, Макар, ноги озябли. А досматривать сны будешь в самолете.

– Только, Эскулап, чтобы никакого металла, – сказал Милов.

– Учи ученого. Как тебя предчувствия – не одолевают чрезмерно?

– Да нет, – пожал плечами Милов. – Как будто бы в норме.

– Ну, – сказал Мерцалов, – по последней, что ли? За тех, кто в море... и на холоде.

Каждый потянулся к своему бокалу.

Вроде бы веселым был трёп, да и вся обстановка легкой; но, судя по выражению лиц, все четверо были чем-то всерьез озабочены.

4

(228 часов до)

Таковыми были последние до нынешнего дня предчувствия: из категории немедленно исполняющихся. Так что можно было надеяться на то, что сегодняшняя тревога если и получит обоснование, то лишь в более или менее отдаленном будущем, но никак не сейчас.

Конечно, если бы и произошло что-то, – упал самолет, например, – то пожалела бы о Милове, наверное, только Ева. Открыто, публично. А другие люди тоже пожалели бы – но никто посторонний об этом так бы и не узнал.

«Черт, – подумал он сердито, – что, больше уж и думать не о чем, как о собственной кончине? Хотя – почему бы и не подумать заблаговременно? Ведь когда она придет, думать будет, вероятнее всего, некогда».

Самолет же так и не упал. Аккуратные и умелые немецкие пилоты закончили полет без происшествий.

В Атланте было и в самом деле тепло. Даже жарковато, как подумалось Милову.

Он, со старой сумкой, что составляла весь его багаж, без труда прошел контроль. Ступил на территорию великой страны. Постоял несколько секунд, представляя, что всё в полном порядке и вот сейчас Ева поспешит ему навстречу, широко раскинув руки, улыбаясь и как всегда не обращая внимания на то, что об этом подумают. Впрочем, она была самостоятельной женщиной, ни от кого не зависевшей. Все-таки медики в Штатах – не самые бедные люди.

Однако Евы не было, да и не могло быть. А навстречу ему не быстро, но и не очень медленно шел, скорее всего, тот самый Хоксуорт, что принял в Еве и в самом Милове столь горячее участие.

5

(226 часов до)

Отличная машина неслась по отличной, оживленной дороге уже более получаса, а город всё не начинался, и непохоже было, что скоро начнется. Южный сельский пейзаж скользил за открытыми окошками, теплый ветер залетал в машину и вертелся там, ероша волосы. Мелькали ограды, дома, автомобили, рекламные щиты, дорожные знаки, бензоколонки, придорожные кафешки, непривычного облика рощицы, люди... Милов глядел с любопытством: все-таки, плохо он знал эту страну. Хоксуорт, сидевший рядом, время от времени закуривал, медленно, спокойно выпускал дым. Похоже, судьба Евы его не очень волновала – или же ничего серьезного женщине не грозило. Но тогда она могла бы позвонить и сама...

– И как же это все-таки получилось? – спросил Милов, забыв, наверное, что уже дважды задавал этот вопрос, и дважды же получал ответ.

– Подробности я не знаю, – ответил его спутник точно так же, как и раньше. – Можно будет выяснить в полиции.

– Она была за рулем?

– Кажется, да. Хотя, по-моему, то была не ее машина...

– Нам далеко еще? Мне казалось, что аэропорт не так далеко от города.

– Я не говорил вам, что она в городе. Ее доставили в ближайшую больницу, что представляется мне совершенно естественным.

– Ну да, конечно, – пробормотал Милов и умолк.

Но, кажется, они и на самом деле подъезжали; водитель уменьшил скорость, затем свернул на дорогу поуже, и километра через полтора – опять свернул, проскочив мимо щита с надписью «Private». Еще мили две – возник высокий глухой забор с воротами, без всякой вывески. Было пустынно вокруг. Машина остановилась перед воротами, через секунду створки неохотно разъехались. Автомобиль медленно двинулся по аллее, что полукругом изгибалась между деревьями. Подрулил к трехэтажному, не очень большому дому – красивому, старой постройки, с колоннадой и портиками, – выдержанному, как подумалось Милову, в стиле Юга, насколько он мог судить об американской архитектуре; не очень-то, кстати; он и в отечественной разбирался не весьма. Водитель мягко затормозил.

– Это здесь, – сказал Хоксуорт, и первым вылез из машины. – Прошу вас.

- Не очень смахивает на больницу, – заметил Милов, оправляя пиджак.
- Частная клиника, – ответил Хоксуорт невозмутимо. – Входите. О вашем приезде знают.

Но придется обождать: в эти часы к больным тут не допускают. Строгие порядки, дисциплинированный персонал. Не совсем так, как у вас в России, а?

Все же странно спокоен был он. Милов, впрочем, тоже.

- Моя сумка, – сказал он только.
- Не беспокойтесь. Она не затеряется.
- Не сомневаюсь, – сказал Милов, следуя за своим спутником.

6

(225 часов до)

«Интересный мужик. Если приглядеться. Так, по первому взгляду, беглому, ничего особенного – прохожий, да и только. И рост, и телосложение, черты лица – все заурядное, на такого посмотришь – и тут же забудешь. И только вот так, посидев с ним за столиком да внимательно посмотрев и послушав, начинаешь понимать, что у человека этого не одно дно, да и не два, наверное, а черт знает сколько – дюжина, быть может... Вот он вроде бы не сказал ничего особенного, идет, как у нас говорят, легкий треп, но чувствуется с его стороны игра, нет, даже не игра – у профессионала она и не должна восприниматься, – но, так сказать, вторая личность, которая еще не выглядывает из-за первой, но за ней уже угадывается. И это не потому, что я такой проницательный, – нет, это он намеренно себя показывает, чтобы я заметил и понял, и подготовился к разговору, конечно, не тут и не сию минуту, но в скором времени и где-то здесь. И вряд ли это будут рассуждения по поводу лекций, какие мне якобы предстоит прочесть. Тут пахнет чем-то более масштабным. Хотя наши ребята на сей раз, кажется, слишком уж зафантазировались. Интересно; давно мне не приходилось заниматься чем-то подобным. Растренирован. Кстати: хотелось бы знать, какую роль тут играет Ева. Использовали ли ее втемную? Похоже, что да – она как была, так и осталась человеком в общем простодушным, даже наивным, вопреки непростой жизни... или благодаря. Так что не нужно, что бы ни последовало за этим интересным дебютом, ни в чем упрекать ее – Ева тут в стороне, за скобками, играть придется мне самому против этого, как и я уже пожилого, сдержанного, на косоной причесанного джентльмена, в котором, когда присмотришься, угадывается спортсмен – теннис или гольф, это само собой, но и боевые искусства, пожалуй, тоже. Странно, что курит. И не только потому, что это сейчас не модно. А принимает наверняка очень умеренно. Да, интересно, интересно – какое продолжение последует...»

Такие мысли приходили в миловскую голову, пока они вдвоем сидели за завтраком в столовой госпиталя, в этот час пустой и тихой. Так назвал это помещение Хоксуорт: столовая. Обслуживал их мужчина в белой куртке, не промолвивший ни слова; меню, видимо, было согласовано заранее. Взгляд у официанта был фотографический, и когда он на миг поднимал глаза – Милову чудилось даже, что он слышит стрекот затвора – фото, не винтовочного. Хоксуорт ел с аппетитом, не отвлекаясь на разговоры, как бы показывая, что в общении не очень заинтересован, но – ощущалось – приглядывался исподволь. И лишь когда уже встали из-за стола, сказал, как о чем-то само собою разумеющемся, словно продолжая давнюю тему:

– Мисс Блумфилд жива и здорова, и не попадала ни в какую катастрофу. Здесь, разумеется, не больница, это вы давно поняли, мистер Милф. Могу добавить еще, что Ева не имеет представления о том, что вы в эту минуту находитесь здесь; она полагает, что вы по-прежнему в Москве, и мы надеемся, что она еще некоторое время будет в этом уверена.

Милов оцетинился; это у него всегда получалось неплохо.

– То есть, вы хотите сказать, что это какой-то розыгрыш? Могу расценить вашу выходку просто как грубую и глупую. Как вы могли себе позволить? Приняли меня за мальчика? Резвитесь на досуге? Требую, чтобы меня немедленно доставили в аэропорт. Где у вас телефон? Я немедленно позвоню в российское посольство...

– Обождите, мистер Милф. Я уверен, что на самом деле вы вовсе не считаете меня способным на шутки такого рода, не только глупые, но и достаточно дорогие. Мы – я и другие люди, встречаться с которыми вам вряд ли нужно – пригласили вас сюда в наших общих интересах. Мы намерены сделать вам предложение, которое, как мы надеемся, покажется вам привлекательным со многих точек зрения.

– Может быть, вы сэкономили бы деньги и время, если бы сделали это предложение в Москве? – поинтересовался Милов. – Потому что ведь и отправлять меня восвояси вам придется за свой счет. Не слишком ли дорого за весьма среднее удовольствие видеть меня здесь?

– Зная о вас достаточно много, не сомневаюсь, что сказанное мною не явилось для вас чем-то совершенно неожиданным. Потому что мы были вольны приглашать вас, но ведь и вы могли отказаться. Не так ли?

Тут он мог бы чуть улыбнуться, но не сделал этого, остался серьезным, и Милову это понравилось, потому что свидетельствовало об уважении к нему.

– Допустим, я соглашусь с вами. – Милов постарался произнести это как можно спокойнее и непринужденнее. – Что от этого изменится?

– Мисс Ева, кстати сказать, очаровательная женщина, – проговорил Хоксуорт. – И я, откровенно говоря, вам в чем-то завидую.

Милов кивнул:

– На вашем месте я, наверное, испытывал бы то же самое чувство.

Он должен был сказать что-то такое, слегка легкомысленное – чтобы почувствовать себя готовым к предстоящему разговору.

– Вот видите, – сказал Хоксуорт, – сразу находятся вещи, на которые мы смотрим одинаково; собственно, это совершенно естественно: мы современные, нормальные люди. Верю, что между нами не возникнет разногласий и по всем другим предметам. Вы сыты? В таком случае предлагаю перейти в другое помещение, где разговаривать будет удобнее. Полной интимности не обещаю – там будет еще один человек; но он полностью в курсе всех дел.

И вежливо пропустил Милова вперед.

7

(223 часа до)

– Прежде всего хочу извиниться перед вами за то, что мы весьма бесцеремонно прервали ваш отдых в вашей прекрасной стране России, – такими словами Хоксуорт начал объяснение в любви.

Был самый разгар дня, и разговаривали они с бокалами в руках – подливали, правда, очень редко. Оба понимали, что тема требует свежей головы, ясного мышления. Третий – долговязый, белобрысый мужик неопределенного возраста, что-то около пятидесяти – пока помалкивал, но в предмете разговора, видимо, разбирался достаточно хорошо. Он был представлен Милову, как мистер Клип, эксперт.

– Ну, последнее время я только и делаю, что отдыхаю, – сказал Милов. – Так что не стесняйтесь. Вы разогли мое любопытство, если говорить откровенно.

Собеседник, казалось, не принял его слов во внимание.

– Хотя, – продолжал он медленно, как бы размышляя вслух, – есть у нас, пожалуй, возможность эту оплошность компенсировать. Да, безусловно. Скажите, мистер Милф, как вы ответите на предложение совместить отдых с некоторой полезной деятельностью? Провести время на побережье – море, прекрасный пляж...

– Я уже не очень хорошо переношу жару во влажном климате, – покачал головой Милов, значительно отклоняясь от истины.

Хоксуорт улыбнулся:

– Там не жарко. Во всяком случае, в прямом значении слова.

– Вот как, – сказал Милов. – Могу отгадывать до трех раз?

– Убежден – вам хватит и одного.

– Каспария, – сказал Милов.

Молчаливый блондин чуть заметно усмехнулся.

– Другой на вашем месте поиграл бы в недогадливость, – сказал Хоксуорт.

– Не люблю суеты, – усмехнулся Милов.

– Могу только приветствовать. И все же – интересно проследить за ходом вашей мысли.

Для лучшего знакомства.

– Нет ничего проще. У вас всегда богатый выбор. И если обращаются ко мне, то потому, что я обладаю каким-то нестандартным опытом. Нестандартным и достаточно редким. Что у меня за душой – я знаю не так уж плохо... Кроме каспарийского опыта, вряд ли что-нибудь в моей пестрой биографии могло вас заинтересовать.

– Да, – сказал мистер Клип, эксперт. – Вы прожили там много лет.

– Может быть, даже слишком много. Иногда мне так кажется. Но должен напомнить: я жил в Каспарии, но не в Технеции.

– Практически в Технеции не жил никто – кроме, конечно, тех, кто и сейчас там обитает, будь они людьми – или кем-то другим, да... Но хотелось бы, чтобы вы нарушили эту... скажем, традицию.

Милов кивнул – в знак того, что понимает суть предложения. И, помолчав, ответил:

– Что бы там ни предстояло делать – могу сказать лишь одно: это работа для молодых и честолюбивых. Я, к сожалению, ни то, ни другое. Увы. Вам ведь известно, что с некоторых пор я в отставке?

– Работа для знающих и терпеливых. Умелых и опытных.

– Я падох на лесть, – кивнул Милов. – Вы угадали. Следует ли мне считать ваши слова официальным приглашением на службу?

– Наш разговор – просто беседа двух частных лиц. Мистер Клип не в счет – он, так сказать, наблюдатель. Итак – два лица. Одно делает некое предложение. Другое частное лицо – принимает.

– Или отвергает. Какой мне смысл на старости лет совать голову в растопленный камин? Или вы думаете, что в Технеции – намного прохладнее?

– Позвольте мне, – сказал Хоксуорт, – немного порассуждать на общие темы. Говорят, вы, русские, любите такие разговоры.

– Выслушаю вас с интересом.

– Не обижайтесь, Милф, но вы уже не очень молоды. Это наш общий недостаток, избавиться от которого не представляется возможным.

– Откровенно говоря, я и раньше догадывался об этом.

– Я так и подозревал. Так вот, начиная с определенного возраста я стал задумываться о том, что оставлю после себя. И пришел к невеселому выводу...

– Относительно счета в банке?

– Это не единственное, и даже не главное. Далеко не главное. Не все ведь измеряют совершенное ими в жизни количеством нулей. Уверен, что и вы смотрите на свое пребывание в сей юдоли слез так же – или почти так же.

– Продолжайте, – так отозвался Милов на сделанную собеседником паузу. – Прежде, чем исполнять дуэт, я хотел бы услышать как можно больше, чтобы уяснить, в каком ключе играется мелодия.

– Хорошо. Короче: перед тем, как окончательно выйти в ничто, я хотел бы сделать что-то такое, что забылось бы не сразу. Писатели в таких случаях говорят о главной книге. Ну, а нам с вами...

– Следовало бы говорить о главной операции? Это вы хотели сказать?

– Я так и думал, что мы воспринимаем жизнь одинаково.

– Насчет жизни – не уверен.

– Вы считаете, что совершили уже всё, на что были способны?

Милов немного подумал.

– Вряд ли кто-то знает предел своих возможностей.

– Следовательно, не считаете. Но от активной работы вы отстранены. И вряд ли это вас устраивает.

– Возможно, вы правы.

– Наверняка прав. А я предлагаю вам неплохой способ доказать, что с вами еще следует считаться. Подумайте о своей репутации, Милф. Если вы сделаете эту работу, ваш рейтинг среди профессионалов всего мира подскочит... даже не знаю, на сколько. Просто боюсь сказать.

– Знаете, кого вы мне сейчас напоминаете? – сказал Милов. – Воскресного рыболова с длинной удочкой и банкой червей. – Он пожал плечами. – Но то, что вы сейчас наживили – даже не червяк на крючке, в лучшем случае – капроновая муха. Я не клюю.

– Вы кривите душой, Милф. Клюете. Но это не главная наживка. Поскольку, повторяю, я выступаю как частный предприниматель, то я подряжаю вас – и, следовательно, плачу. И хорошо плачу – даже по нашим представлениям. Согласитесь – это уже не капрон. Чувствуете слюноотделение?

– Захлебываюсь, – кивнул Милов. – Еще что-нибудь?

– Вам мало?

– Нет. Просто по существующим канонам вы сейчас должны бы мне чем-то пригрозить. Завуалированно, тем не менее ощутимо. Скажем, заговорить о благополучии Евы...

– Фу, – сказал Хоксуорт укоризненно. – Неужели вам лезет в голову подобная ерунда?

Милов лишь усмехнулся. Мистер Клип поднял брови.

– Откровенно говоря, – признался Хоксуорт, смеясь – мне и самому порой начинают мерещиться кремлевские злодеи с кинжалами в зубах; так и тянет заглянуть под кровать, основательно вооружившись...

Милов тоже коротко посмеялся. Клип остался серьезным. Он сказал:

– Мне такая предосторожность никогда не кажется излишней. Отношения между двумя странами сейчас далеки от идеальных. Наше правительство опасается, – вполне обоснованно, по-моему, – что ваши интересы на Балканах и в Центральной Азии весьма ощутимо расходятся...

– Ну, ну, – остановил его Хоксуорт. – Мы ведь не собираемся решать большие политические проблемы; нас никто не уполномочил на это. Наши стремления куда скромнее.

– Ладно, – сказал в ответ Милов. – Теперь будет любопытно услышать – какие объективные причины должны заставить меня принять ваше предложение – которого вы, собственно, еще и не сделали.

– Разумеется, – кивнул Хоксуорт. – Во-первых, у вас больше шансов выполнить эту работу успешно, чем у любого другого, кого мы могли бы послать.

– Нет-нет, – Милов покачал головой. – Это все еще вариация на тему моих безграничных достоинств. Где тут объективность?

– Вы не совсем правы. Дело в том, что любая – гм – профессиональная группа весьма хорошо осведомлена обо всех, кому мы могли бы доверить такое задание. В том числе и соответственные службы Каспарии.

– Технеции, – поправил Милов.

– Это одно и то же, – сухо вставил мистер Клип. – Во всяком случае, со многих точек зрения.

– Ну да, конечно же. Вы ведь понимаете: они наблюдают за нами весьма заинтересованно. И стоит одному из наших людей скрыться из поля их зрения, как технетские специалисты начнут – просто так, на всякий случай – искать его у себя. И скорее всего найдут раньше, чем нам этого хотелось бы. Что же касается вас, то вы в эту обойму не входите: вы полицейский, а ни одна полиция не занимается подобными делами. Кроме того, вы вообще в отставке. Никого не беспокоит, где вы находитесь и чем развлекаетесь в данный момент; я имею в виду заинтересованные службы. Вот вам одна из объективных причин, заставивших меня остановить выбор на вас: наилучшие шансы из всех возможных.

– Может быть, это причина для вас. Но не для меня.

– Не спешите. Вообще, боюсь, что мы ведем разговор в неправильном направлении. Конечно, в принципе вряд ли стоило бы говорить с вами о сути дела прежде, чем вы дали свое согласие. Но я в такой мере уверен в нем, что рискну. Потому что все объективные причины настолько тесно связаны с существом предлагаемой вам работы, что я просто затрудняюсь... Впрочем, вряд ли нужно специально предупреждать вас о полной конфиденциальности нашего разговора?

– Она сама собой подразумевается, – кивнул Милов.

– Ну, вот. Тогда я позволю себе сперва изложить вам содержание предлагаемой работы, и лишь потом, если еще потребуется, вновь примусь уговаривать вас.

– Согласен.

– Полагаю, что картина преобразования Каспарии и превращения этой маленькой страны в Технецию вам известна хорошо, так что не стану тратить времени на изложение событий.

Милов не ответил.

– Вы задумались, мистер Милф?

– Одну минуту, – сказал Милов. – Я собираюсь с мыслями.

8

(224 часа до)

Он и на самом деле стал вспоминать.

Тогда, после Большого Распада множество обломков Империи превратилось в независимые образования. В том числе и Каспария. Губерния стала государством, хотя и не обладала еще собственной историей, поскольку все годы ее самостоятельного существования два человека могли бы пересчитать по пальцам, и, строго говоря, все только еще начиналось; тем не менее – да, стала государством со своими традициями, фольклором (достаточно богатым), литературой (весьма еще бедной пока что), искусством, деньгами, которые в мировой экономике ажиотажа не вызывали, но все же котировались. Страна, производившая не шибко каче-

ственную продукцию, но стремившаяся как можно быстрее перенимать опыт гигантов, чтобы найти на мировом рынке местечко для установки и своего киоска; к европейским центрам чего бы то ни было никак не относившаяся, но вызывавшая всеобщее сочувствие многими печальными событиями, происходившими в те давние и совсем недавние времена, когда страны этой, как и некоторых других с подобной же судьбой, вообще в реальности не существовало, а были только департаменты и губернаторства. Но когда она, страна эта, обрела, наконец, искомую самостоятельность, в ней вроде бы все быстренько сделалось, как у порядочных: избирался парламент, действовало правительство, существовала оппозиция, профсоюзы, банки и супермаркеты; был не такой уж узкий спектр политических партий, от категорически консервативных до лево-коммунистической, для которой Китай был переродившимся социал-империалистическим обществом; были армия и полиция – словом, все, что уместно иметь любой пристойной стране, с гомиками и наркоманами, коллекционерами и рокерами, национальным большинством и меньшинством, богатыми и бедными, и так далее. И была всячески воспитывавшаяся и поддерживавшаяся ненависть к большому восточному соседу, имя которого было – Россия.

«Да, вот так это было на моей памяти, вовсе не очень давно, – думал Милов, позволяя себе на время забыть о сидевшем тут Хоксуорте, не проявлявшем, впрочем, нетерпения. – Пока тамошние правители не провозгласили иное направление развития, в котором узрели давно уже искомый выход из политико-экономической безвестности, шанс в одночасье из задворков Европы превратиться в один из ее центров, вопреки географии. Светлая и плодотворная идея заключалась в том, чтобы, по сути дела, совершить очередную научно-техническую революцию, а для этого, не отказываясь от машин, научиться создавать их на биологической основе, иными словами, на той базе, что существовала в живой природе – на фундаменте естества. Чего ради? Да просто потому, что живое вещество сложено из едва ли не самых дешевых и широко распространенных материалов, технология производства которых издавна известна, использоваться же всякое разумное существо может в любой области деятельности – независимо от того, получено ли оно традиционным или же промышленным путем.

Это, казалось, вовсе не должно было означать каких-либо крутых перемен в отношениях Каспории с другими странами – и с теми, с кем отношения эти были весьма дружественными, и с другими, с которыми они были скорее враждебными. И вроде бы поначалу так и обстояло дело: покровители продолжали поддерживать политически и давать кредиты, дипломаты – вести переговоры, деловые люди – торговать по возможности, хотя товара у Каспории было маловато. Но постепенно стали замечаться и некоторые перемены. В частности, оказалось: доступ иностранцев в страну был сильно ограничен, а у тех, кто там уже находился по необходимости, оказалась весьма урезанной возможность передвижения по Каспории. К сожалению (а может быть, и к счастью, как знать?) остальной мир не оценил своевременно всей серьезности положения и предоставил малозначительной стране сходить с ума так, как ей кажется приятным, поскольку такое право и является одним из краеугольных камней демократии. Спихватились люди лишь тогда, когда в постепенно самоизолировавшейся стране стали происходить события, которые смело можно было назвать необратимыми и – быть может – даже весьма опасными для всех, находившихся за ее границами, то есть для всего остального мира...»

(По-прежнему 224 часа до)

– Ну, что же, – сказал Милов наконец, после весьма длительной паузы. – Если я что-то забыл – спрошу, когда понадобится.

– Окей. Тогда скажите, Милф: сколько технетов сейчас обитает, по-вашему, в Технеции?

– Полагаю... их число сопоставимо с количеством населения в старой Каспарии. Во всяком случае, суммарно, насколько известно, население не выросло. Но какую его часть составляют технеты, и какую – люди, данных нет; во всяком случае, я их не знаю.

– Иными словами, всех вместе должно быть около двух миллионов?

– Не исключено, что даже больше.

– Два миллиона сто тридцать две тысячи, – вставил мистер Клип. – И у нас есть цифры, которые у вас, по вашим словам, отсутствуют: сегодня технеты составляют уже самое малое три четверти всего населения. То есть, больше полутора миллионов. Впечатляет?

– Такие цифры подразумевают наличие мощной промышленности по производству этих... существ, – сказал Милов.

Хоксуорт кивнул:

– Именно. Кто такой – или что такое – технет, вы, без сомнения, представляете достаточно хорошо.

– Человекоподобный робот.

– Пожалуй, даже точнее будет сказать – искусственный человек. Техногенный. Произведенный промышленным способом. Согласны с таким определением? – снова вступил в разговор мистер Клип.

– Не вижу возражений.

– Насколько вы сильны в вопросах экономики промышленности, Милф? – поинтересовался Хоксуорт.

– Ну, у нас в стране с некоторых пор каждый, похоже, считает себя сведущим в экономике. Я, правда, не столь самонадеян. Хотя, конечно, всякий юрист должен что-то понимать и в экономических проблемах.

– Но тем не менее... вы пытались прикинуть, какова может быть себестоимость одного такого существа – даже при поточном производстве?

– Не пытался, потому что не было в этом никакой необходимости. Но если знать технологию, или хотя бы принцип производства..

– Увы, секрета пока не знает никто. Но несмотря на это, мы можем предположить, что производство такого андроида стоит – ну, во всяком случае, больше, чем изготовление среднего автомобиля.

– Полагаю, что в таком расчете нет ошибки.

– Прекрасно. Но автомобили выгодно производить потому, что их можно продать, вернуть расходы и получить прибыль. А вот технеты не продаются. Мы серьезно интересовались этим, и не установили ни одного случая продажи. За пределами страны их просто нет.

– Иными словами, расходы не возмещаются?

– Совершенно верно. То есть, в производство приходится вкладывать все новые и новые средства – не получая никакой прибыли.

– Возможны иные формы прибыли. Не обязательно от продажи. Технеты участвуют в производстве всей другой продукции. Их труд, надо полагать, не оплачивается. Однако, продавая произведенные ими товары, владелец получает прибыль. Не так ли?

– Рассуждение верное. В принципе. Но в отношении данного конкретного случая... У нас имеются исчерпывающие сведения относительно экспорта Технеции за все минувшее десятилетие – то есть за все время ее существования. Это нищенские цифры, Милф. Полученной прибыли не хватило бы даже на сырье. А деньги за свою работу технеты, насколько нам известно, все же получают. Пусть и не очень большие. В их стране, мистер Милф, сохранилось еще очень многое от людского общества, наследниками которого они стали. Деньги в том числе.

– Кстати, насчет сырья. Технеция сама ничего не имеет. Значит, должна ввозить все, из чего делают технетов – если, конечно, они не производятся из песка и древесины. Вы наверняка интересовались и этими данными?

– Следим очень внимательно, – сказал мистер Клип.

– И что же?

– Ничего. Если, конечно, эти существа имеют хоть что-то общее с роботами, к которым мы привыкли.

– А не может ли быть, что средства в производство этих технетов инвестируют какие-то зарубежные фирмы, банки, группы?..

– Мы, разумеется, прощупали. Ничего не установлено, никакого движения капиталов. Да и смысл? Финансировать производство продукции, не выставленной на продажу?

– Гм. А вам не приходило в голову, – задумчиво сказал Милф, – что продажа все-таки происходит? Ведь если технеты внешне не отличимы от людей, их можно вывозить совершенно нетрадиционными способами. Они просто выезжают. Как угодно: воздухом, морем, по рельсам...

– Мы думали и об этом. И попытались ненавязчиво проследить за технецийским экспортом. Что касается выезда, то сейчас оттуда выезжают очень немногие, в основном это – официальные лица: дипломаты, журналисты, деловые люди, – массового потока нет. Конечно, это не значит, что его и не может быть. Может – контрабандой. Но в таком случае вывоз может осуществляться только в одном направлении: на восток. Через Россию, мистер Милф, через вашу страну. А вопросы, связанные с вашей страной, вы сможете решить успешнее, чем, скажем, я или мистер Клип, не так ли? Да, конечно, нас интересует: не вывозятся ли технеты именно таким путем? И если да, то куда и для чего?

– Даровая рабочая сила...

– Мы бы знали. Ведь технеты должны быть дорогой продукцией, и приобретение их под силу лишь богатым странам или концернам. Но они все на виду. А представляете, какой шум подняли бы профсоюзы?!

– Пусть так. Ну, а если использовать их не в производстве? Если слухи соответствуют истине, то технеты – первоклассный военный материал: хорошие солдаты, за гибель которых не приходится ни перед кем отчитываться – что для командования весьма существенно. Не поверю, что вы не анализировали проблему в этом аспекте.

Хоксуорт одобритительно кивнул:

– Вы ясно мыслите, Милф. Конечно же, мы анализировали – и не только анализировали. Результат нулевой. Но именно по этой причине проблема интересует нас все больше. Понимаете, если их вывозят, чтобы использовать в качестве солдат, но до сих пор они нигде не засветились – значит, не исключено, что их кто-то где-то накапливает для внезапного удара – по кому-то... Это интересует нас, и должно еще более интересовать вас, Милф. Потому что отношения вашей страны с Технецией всегда были достаточно напряженными. Теперь вам ясен масштаб проблем? И причины, по которым они нас интересуют?

– Пожалуй. Вопросов целый мешок. Вот первый: кого это «нас»? И почему, собственно, эти вопросы вас настолько заинтересовали?

Хоксуорт не спешил с ответом. Но заговорил Клип:

– Интересоваться обсуждаемой проблемой у нас есть множество причин. Вы знаете, конечно, что эта страна всегда относилась к Каспарии с большим сочувствием. Даже в самые тяжелые времена. Наша позиция и сейчас остается неизменной. Но, как вы знаете, если вы оказываете кому-то поддержку, вы должны быть уверены в его, так сказать, добросовестности – во избежание неприятностей.

– Но это – дело государства, а не частных лиц.

– В принципе частные лица тоже могут действовать по доверенности государства. Я вовсе не хочу сказать, что в данном случае это так – однако мы заинтересованы в том, чтобы быть полностью в курсе происходящих там событий. Согласитесь: если окажется вдруг, что произведенные там технеты входят в состав каких-либо вооруженных сил – законных или, того хуже, незаконных – это может привести к немалым осложнениям и для Технеции, и для нас...

– Снова «нас». Кто же вы в конце концов?

– Скажем, так: группа частных лиц, заинтересованных в благоприятном развитии отношений с Технецией и в дальнейшем. И мы готовы взять на себя финансирование операции по выяснению некоторых деталей. Хотим получить ответы на наши вопросы.

– Большая куча вопросов, Милф, – заговорил и Хоксуорт. – Громадная. Как пирамида Хеопса. И ни одного ответа.

– Чтобы найти их, воистину надо быть семи пядей во лбу. Вот бы вам отыскать такого – вместо отставного копа... Вроде Леонардо да Винчи. Универсала...

– Мы искали. Но лучшей, чем ваша, кандидатуры не смогли найти. Поверьте: мы с куда большим удовольствием послали бы своего. Его не пришлось бы уговаривать: достаточно было приказать. Мистер Милф, уверяю: я не привык упрасивать, это не доставляет мне ни малейшего удовольствия, да и не очень у меня получается. И уж если я пошел на такое, то, видимо, потому, что лучшего выхода не нашлось.

– А как отнесутся к привлечению иностранца ваши государственные службы?

– Мое правительство? Оно в этом никак не замешано: как мы уже говорили, операция проводится частными лицами. И то, что мы сейчас находимся и разговариваем именно тут – всего лишь случайное совпадение. Во всяком случае, так будет официально объяснено всякому любопытному. Кроме того, мы ничем не нарушаем интересов страны. Наше правительство по-прежнему твердо стоит на позициях невмешательства в чьи бы то ни было дела – до тех пор, пока дела эти остаются внутренними. Мало того: правительство традиционно придерживается политики наибольшего благоприятствования по отношению к бывшей Каспарии; правительство всегда – достаточно консервативная институция, тяжелая на подъем. Однако по отношению к отдельным лицам, группам, организациям, существующим и действующим на территории любой страны, но распространяющим свою деятельность за ее пределы, мы не брали на себя никаких обязательств. Так что наше правительство не обеспокоено моей активностью.

– В частности и потому, – не мог не усмехнуться Милов, – что если я и попадусь на чем-то, ваша страна никак не будет скомпрометирована: виноватым окажется иностранный подданный...

– Ну, вы не попадетесь. Не берусь сравнивать вас с Леонардо в живописи или изобретательстве, но если говорить о предлагаемой мною работе, то при возможности выбирать между великим итальянцем и вами, я все равно остановился бы на вас. И вовсе не потому, что вы нравитесь мне, как собеседник. В этом качестве как раз я предпочел бы многих других. Но у вас есть, кроме личных качеств, и другие необходимые для этой работы данные. Знание языка. Местности. В конце концов, вы можете найти там людей, с которыми были знакомы ранее – если вам понадобится помощь...

– М-да. Или они найдут меня – когда это будет мне совершенно ни к чему.

– Н-ну, вы будете достаточно осторожны, я убежден. Итак, я, как видите, выкладываю на стол все карты до единой.

- Что же, я всегда был сторонником полной откровенности.
- Полной – насколько это допустимо при нашей профессии... Хорошо, мистер Милф, вернемся к делу. Думаю, я сказал вам достаточно для того, чтобы вы могли себе представить масштаб предложенной вам работы и, разумеется, уровень опасности.
- В самых общих чертах – да. Но о многом хотелось бы получить более конкретную информацию.
- При наличии вашего согласия.
- Какие-то бумаги?
- Никаких. Я верю вам на слово. Надеюсь, что и вы поверите мне.
- О'кей, – сказал Милф. – Я согласен.
- В таком случае, сделаем перерыв, чтобы вы сумели просмотреть то, что у нас есть по месту предстоящей вам работы.

10

(221 час до)

В безмолвном одиночестве Милф знакомился с материалами. Впрочем, большую часть этой информации он знал и раньше.

Заключалась же она в том, что Каспария привлекла внимание мира несколько лет тому назад, когда неожиданно, без всяких предварительных намеков, в главных газетах и на телеканалах мира были опубликованы документы, получившие наименование «Манифеста необратимости». Основным из этих документов было правительственное заявление, многословное и полное ссылок на исторические прецеденты, философские учения и на всякое другое. Если же говорить о сути дела, то она заключалась в следующем:

а) сообщалось, что за последние годы в стране была не только разработана основывавшаяся на достижениях мировой науки конструкция, но и создана технология и развито производство принципиально новых роботов – на биологической, а не механической основе (эта часть заявления заставила многих невольно вспомнить Чапека). Названные «технетами», они внешне и конструктивно были очень похожи на людей, однако не обладали множеством недостатков, свойственных царю природы, зато превосходили его немалым количеством достоинств. Они полностью заменяли человека в любой области деятельности, во всем многообразии созидательной жизни;

б) за минувшие годы, вследствие указанных перемен, граждане страны получили возможность жить, пользуясь всеми благами цивилизации, не прилагая никаких усилий для того, чтобы зарабатывать на жизнь и используя все свое время для собственного развития и совершенствования. Таким образом, были решены все социальные проблемы и, если называть вещи их именами, осуществлена извечная мечта человечества;

в) к сожалению, люди оказались не готовыми к благим переменам, и это привело к определенным неурядицам, вплоть до открытых выступлений против технетов. Поднимался даже вопрос об отказе от них и возврате к старому производству. Однако поступить таким образом, с точки зрения правительства, означало бы препятствовать прогрессу, идти на поводу у отсталой части общества, к тому же представленной в большинстве своем людьми некоренной нации. Тем временем (продолжало излагать свою позицию правительство) технеты все более убедительно доказывали не только свои преимущества над людьми в области производства, а затем и услуг, но стали выдвигаться в стране на ведущие позиции и в других областях жизни. Обладая свойством, которое нельзя назвать никак иначе, чем разумом, технеты за считанные

годы своего существования – за двенадцать лет – неопровержимо доказали, что они так же, как и люди, тяготеют к общественному существованию, так что к настоящему времени создано новое общество, состоящее уже не из людей, но из технетов, выработавшее свои законы и существующее на территории страны параллельно традиционному человеческому. Это неизбежно должно было вызвать – и вызвало к жизни некое подобие соревнования или конкуренции между обеими социальными формациями, и сегодня можно уже со всей определенностью утверждать, что человеческим обществом это соревнование проиграно как вследствие свойственной людям внутренней противоречивости (чего общество технетов совершенно лишено), так и потому, что творческие потенциалы технетов в любом направлении значительно превышают человеческие. Дальнейшее сосуществование двух социумов в рамках одной страны, где власть оставалась в руках людей, в то время, как все хозяйство полностью и безраздельно перешло сперва в ведение, а потом и в собственность технетов, наделенных всей полнотой гражданских прав, представлялось невозможным. Проанализировав сложившееся в стране положение, правительство пришло к выводу, что единственным не только возможным, но и необходимым и неизбежным шагом с его стороны является передача всей полноты власти технетам, чтобы их общество, их раса не были вынуждены прибегнуть к силе для утверждения исторической справедливости и смогли бы достойно указать путь, по которому в недалеком будущем пойдет и вся планета. Однако, исходя из обязательных демократических предпосылок, людское правительство сочло необходимым предварительно заручиться гарантиями того, что люди в новых условиях, хотя и лишившись права избирать руководящие учреждения страны и быть в них избранными – такими правами впредь будут пользоваться одни лишь технеты – будут обладать полной свободой действий, смогут по желанию покидать страну – или оставаться в ней, находясь на полном иждивении, хотя в таком случае виды деятельности, в которых люди могли бы применять свои способности, значительно сокращались. Страна отныне, согласно единодушному волеизъявлению технетского большинства, будет носить название «Технеция», а полностью – «Прогрессивная республика Технеция», – желающие покинуть страну должны реализовать это право не позже определенного срока, затем выезд будет в весьма ощутимой мере ограничен, а вскоре и совершенно прекращен, в то время как въезд в бывшую Каспарию прерывался уже с момента обнародования настоящего текста – на неограниченный срок и для всех без исключения.

Вторым из опубликованных документов оказался меморандум нового, технетского руководства; заявление в своей информативной части во многом повторяло уже сказанное в первом документе, однако в конкретных выводах шло значительно дальше. Мотивируя свои первоначальные действия необходимостью изолировать молодое и еще не окончательно сконструировавшееся технетское общество от влияния внешних сил, выражая опасение, что влияние это будет преследовать цели реставрации (поскольку ничто не указывало на возможность спокойного и доброжелательного отношения к новому обществу со стороны старого, отживающего человечества), – новое правительство заявляло о замораживании на неопределенный срок неправительственных отношений со всеми странами и организациями, с которыми отношения такого рода существовали, если только эти государства и организации не заявят незамедлительно об отказе от любых претензий по поводу людского населения – поскольку, как тут же пояснялось, «подобные требования ставят независимую Технецию в крайне унижающее положение, против чего она будет протестовать всеми имеющимися в ее распоряжении способами».

Впрочем, до таких крайностей не дошло; не отменяя формально своих постановлений, международные организации кулуарно дали понять, что никаких практических действий предпринимать не будут, а предпочитают прибегнуть к тихой дипломатии. И дело постепенно затухло – во всяком случае, со стороны нельзя было заметить каких-либо действий ни с той, ни с другой стороны. Хотя, как показывало хотя бы приглашение Милова для работы, на самом

деле интерес к проблемам не упал, напротив – становился все глубже по мере того, как возрастало и число самих проблем.

11

(все еще 221 час до)

– Итак, – сказал Милов, – общая задача мне ясна. Как ясно и то, что выполнить ее в полном объеме я не в состоянии, и вам это отлично известно. Давайте уточнять.

– Это тот редкий случай, – ответил Хоксуорт задумчиво, – когда поставить конкретную задачу я не в силах, да и никто другой не смог бы. Все надежды связаны у нас с умением исполнителя импровизировать на месте, в зависимости от обстановки. Кстати, это одна из причин, по которым мы пригласили именно вас: известно, что вы умеете действовать в одиночку, на ходу изобретая образ действий. Тем не менее, попытаюсь ответить на ваши вопросы.

– Мой вопрос очень прост, – сказал Милов, безмятежно улыбаясь. – Если я правильно понял, вы собираетесь забросить меня туда. Насколько могу судить – не для оседания. Что я должен сделать?

Хоксуорт заговорил не сразу:

– Хотелось бы, чтобы ответ оказался столь же простым, как и вопрос; но такого у меня нет. Скажите – приходилось вам в детстве встречать такие головоломки: множество точек на белом листке; если вы соедините их линиями в определенном порядке, то получите вполне осмысленный рисунок – надо лишь догадаться о порядке. Вот и сейчас мы имеем дело с чем-то подобным. С россыпью точек...

– Наверное, их можно как-то назвать?

– Условно – разумеется. Вот одна точка: люди. Те люди, что составляли население Каспарии. Выхать за пределы страны захотела – или смогла – лишь незначительная их часть...

– Тысяч двести, – сказал эксперт Клип.

– Где остальные? Что с ними? Вы понимаете: выяснить это нас заставляют чисто гуманитарные соображения. Очень интересный вопрос, вы не находите?

– Вопрос – нахожу, а вот найдется ли ответ?

– Во всяком случае, вы сделаете все, чтобы его отыскать, не так ли?

– Насколько это окажется в моих силах. Хотя, по объему работы, тут впору открывать частное детективное агентство...

– Открывайте – если удастся. Мы финансируем. Выпьете?

– С удовольствием.

Хоксуорт поднялся и направился к бару.

– Откровенно говоря, – воспользовался паузой Милов, – я не думал, что у вас так мало информации. Неужели у вас там никого не осталось? Трудно поверить.

– Ни слова об этом, Милф. Это наше больное место. Но получить оттуда хоть сколько-нибудь достоверные сведения практически невозможно. Официальные коридоры через границу перекрыты. Неофициальных просто нет.

– Но не говорите, что у вас там раньше не было своих людей...

– Не путайте меня с разведкой, Милф; у нас свое хозяйство, у них – свое.

– И ни единого информатора?

– Этого я не говорил. Однако сведения, получаемые нами оттуда, настолько противоречивы... Но, собственно, вас, Милф, это и не должно интересовать: у вас не будет никаких контактов с теми, кто там оказывает – или делает вид, что оказывает – нам какие-то услуги.

Вы – своего рода суперагент, одиночка. Совсем наоборот: по вашей информации мы будем проверять то, что дают нам они. Не исключено, что кто-то из них просто водит нас за нос. Конечно, это не значит, что мы не дадим вам совершенно ничего. Поделимся всем, чем можем. В частности: о некоторых людях у нас сведения все-таки имеются. Мы знаем, что в Технеции существует нечто вроде человеческой оппозиции, и возглавляет ее некто по фамилии Орланз; мы относимся к этой организации весьма доброжелательно и, быть может, они смогут оказать вам какое-то содействие.

– Только ни в коем случае не подставляйте их под удар, – сурово предупредил Клип.

– Итак: первое – люди, второе – достоверность информации...

– Есть еще и третье – источники финансирования производства технетов. Вы же понимаете: никакое производство невозможно без затрат. Откуда берутся деньги? Кто платит и почему? Если мы разберемся с этим, решить все прочие проблемы будет куда легче.

– Ваши пожелания никак не назовешь скромными. Чего еще вы ждете от меня?

– Вот, наконец, четвертое и главное: производство технетов. Конструкция. Материалы. Технология. Места производства...

– С этого бы и начинали, – сказал Милов, усмехнувшись. – Оказывается, речь идет просто-напросто о промышленном шпионаже.

– Политика и экономика связаны неразрывно – вы это прекрасно знаете... Всё это крайне интересует нас. Тех, кого представляю я: американцев каспарийского происхождения. Хотя бы и не владеющих языком, часто вообще не бывавших там, – с неожиданной горячностью проговорил Клип.

– Боюсь, – сказал Милов, – что мне придется прекратить прием заказов. Программа перегружена.

Он невольно взглянул на часы. По местному времени была половина шестого вечера, но он воспринял это иначе: двести двадцать часов до. Время не желало включить тормоза.

– Будем считать, что я всё понял. Вот мой вопрос: ну а как вы представляете все это практически? Насколько я понимаю, сейчас попасть в Технецию или на Марс одинаково нереально.

– Всего лишь почти одинаково. Вот это «почти» я и собираюсь использовать.

– Вряд ли это будет дипломатическая маска.

– Об этом и речи быть не может. Нам никак не удалось бы зачислить вас на государственную службу: вы не гражданин этой страны. Да и замечу кстати вот что: наши официальные представители, начиная с чрезвычайного и полномочного посла, днем и ночью находятся под столь надежным колпаком, что бьюсь об заклад – фиксируется даже количество бумаги, каждый раз используемой в туалете; и я вовсе не уверен, что бумага эта потом не подвергается всяческому анализу. Возможности передвижения по стране там крайне ограничены, хотя все это пытаются объяснить заботой о безопасности наших и всех других представителей. Даже вам такое не снилось и в наихудшие времена. Дипломаты, журналисты, деловые люди, представители искусства, туристы – все поголовно на коротком поводке. Нет, никаких масок, Милф... Вы окажетесь там невидимкой. Тропа, по которой вы пойдете – разового пользования. Это должно показать вам, насколько мы на вас надеемся: независимо от результатов, таким приемом больше не сможет воспользоваться никто. То есть, мы отдаем вам все, чем располагаем сегодня. Вот, кажется, я и выложил то, что знал, что мог сказать. Думаю, что теперь задача вам более или менее ясна. Вы должны по этим немногим точкам воссоздать рисунок. Согласны?

– М-да... – пробормотал Милов. – Скажите, вы рассчитываете забросить меня в столицу? Или куда-то в другое место? Скорее всего, на побережье при помощи подводной лодки?

– Нет. Этот способ известен им не хуже, чем нам. И побережье входит в приграничную зону, где охрана наиболее сильна. Мы собираемся доставить вас в точку, равноудаленную от всех границ – туда, где ищут меньше всего. Вот сюда. Отсюда добраться до столицы будет проще.

Милов посмотрел на карту, возникшую на мониторе.

– Знакомые места. Глухие. Странно, что в такой маленькой стране могут существовать глухие места. Тем не менее, они есть.

– Потому-то мы и выбрали эту округу. Наблюдения со спутников подтверждают, что она и сейчас достаточно безлюдна. Хотя... составить точное представление о реальной обстановке можно лишь, погрузившись в нее, не так ли?

– Всякое погружение включает в себе возможность утонуть, – проговорил Милов безмятежно. – Особенно, когда никто не протянет руки с берега.

– К сожалению, на это надежды мало. Не то, чтобы вы были совсем один; мы дадим вам нечто вроде группы поддержки – но ее не будет с вами постоянно, она – лишь на крайний случай, если придется уходить с шумом. А мы надеемся, что обойдется без этого. Но вообще-то мы исходим из того, что вы хорошо плаваете. А чтобы вам легче было держаться на поверхности – подбросим вам несколько спасательных кругов...

На клочке бумаги он написал несколько цифр – две группы по шести знаков.

– Это – в случае удачи. Если же дело все-таки сорвется не по вашей вине – тогда вот это. – Он пододвинул бумажку Милову.

– Да, – сказал Милов, глянув на нее. – Если столько нулей – можно, конечно, выплыть. Во всяком случае, теперь я воды боюсь значительно меньше, чем минутой раньше.

– А огня?

Милов ответил не сразу:

– Как сказать: от пуленепроницаемого жилета не отказался бы.

– Думаете, это поможет?

– Нет, конечно. Я шучу.

– Понимаю. Хорошо, мы позаботимся обо всем, что сможет вам понадобиться. Полагаю, самым лучшим будет – заложить груз на том самом месте, куда вы прибудете.

– А средства связи?

– Снабдим, разумеется. Но тоже – только в случае крайней необходимости. Каждый сеанс увеличивает риск. Да что я вам говорю – все это прописные истины.

– Только учтите одно пожелание, – сказал Клип тоном, подчеркивавшим важность того, что он собирался сказать. – Занимайтесь своим делом, и не отвлекайтесь ни на что другое, понимаете? Ни на какие увлекательные дела – вроде поисков тех мифических ракет, о которых в свое время было немало шума – вы помните, разумеется...

– Очень смутно, – сказал Милов. – Куда уж тут отвлекаться – вы мне надавали заданий... А сколько у меня времени на подготовку?

– Старт – не позже, чем на седьмой день.

Милов покачал головой.

– Я не располагаю таким временем.

– Что вы хотите этим сказать?

– У меня есть и другие дела. Если вы можете отправить меня, самое позднее, послезавтра – я берусь за работу. Если нет – отказываюсь. Я не умею откладывать.

– Что же, нас это вполне устраивает. Любите летать?

– Нет, – сказал Милов. – Но привык.

– А падать?

– С высоты? С парашютом, вы имеете в виду?

– Я имею в виду – без него.

– Откровенно говоря, такого опыта у меня нет.

– Вот и появится.

– Не скажу, чтобы вы меня обрадовали.

– Надеюсь, что все обойдется без неприятностей.

- Дай-то Бог.
- Разумеется, мы будем молиться за вас.
- Благодарю.

«Как все это понимать в свете предчувствий? – подумал Милов, идя по длинному коридору в отведенную ему комнату. – Считать все это удачей или наоборот? Сумма красивая, слов нет. Но работа предстоит кудрявая, и даже очень. Ладно, кто поживет, тот увидит...»

Глава вторая

1

(171 час до)

Самолет компании «Си-Эй-Ти», совершавший чартерный рейс из аэропорта Кеннеди в Бомбей с посадками в Рейкьявике и Москве, по неизвестной причине взорвался в воздухе в половине первого ночи. Пассажиров на борту потерпевшего аварию воздушного корабля было, по счастью, немного – главным образом группа, похоже, спортсменов во главе с тренером, летевшая в Россию, чтобы, судя по их разговорам, сыграть несколько товарищеских матчей с российскими профессионалами, а после соревнований провести еще день-другой в Москве. Деловые люди, направлявшиеся из Штатов в Москву или Дели, предпочитали другие, более быстрые рейсы. В Москве же самолет – судя, во всяком случае, по документации – должен был принять пассажиров, желавших лететь в Индию. Наверняка то должны были быть мелкие российские коммерсанты.

Взрыв произошел в хвостовой части самолета, и лишенная управления машина тут же перешла в беспорядочное падение. Еще не так давно подобная катастрофа означала бы безусловную гибель всех, кто находился на борту; однако к тому времени, о котором идет речь, наученные горьким опытом авиационные державы разработали достаточно эффективные способы спасения людей даже и в таких вот безнадежных случаях. И когда самолет устремился вниз, совершая, подобно падающему листу, непредсказуемые движения, летчикам даже не пришлось ничего предпринимать самим: исправно сработавший компьютер мгновенно привел в действие необходимые механизмы. Специально для такого случая предназначенные заряды, исполняя свою миссию, отстрелили все, что теперь оказалось лишним в обезжизненной машине: крылья вместе с топливными баками, и еще как-то державшиеся на полуоторванной хвостовой части моторы. Над фюзеляжем, внутри которого пассажиры успели уже надеть дыхательные маски, выскочившие из спинок кресел, как только давление в салонах начало падать, – над фюзеляжем взметнулись, словно узкие, длинные языки пламени, а потом и широко распахнулись, и тут же стали раздуваться, заполняясь гелием из имевшихся на борту баллонов, спасательные аэростаты, чьим первым назначением было – мягко опустить на землю все, что уже нельзя было назвать самолетом, но что еще оставалось средством передвижения. Опустить, где придется, чтобы спасти. Пригодились все-таки громадные оболочки, до этого хранившиеся в уложенном виде в тесном пространстве между обшивкой лайнера и потолком пассажирской кабины. Падение самолета замедлилось, отстреленные части его, обогнав, уже исчезли глубоко внизу, а командир корабля, едва только он убедился, что и главный, и оба вспомогательных аэростата раскрылись полностью, объявил по трансляции, что всякая опасность жизни и здоровью пассажиров, а также целостности и сохранности их багажа миновала.

Пассажиры, успевшие надежно пристегнуть пояса безопасности, перенесли воистину трагическое происшествие с достойным уважением спокойствием – вряд ли естественным, но тем не менее завидным. Так что несколько минут – довольно много, впрочем, – пока останки машины снижались, в кабине никто не кричал, не вскакивал с места и вообще не проявлял никаких особенных признаков растерянности: все, повинувшись команде тренера, просто-напросто остались на своих местах, лишь приняв рекомендованные для таких ситуаций позы: пригнулись, приблизив головы к коленям. И лишь рослый пожилой мужчина, до того дремавший

в кресле «С» в первом ряду, отстегнулся, встал, несмотря на ощутимую болтанку, сделал, придерживаясь за переборку, три-четыре шага, нажал ручку двери и оказался в пилотской кабине. Видимо, действие это заинтересовало и тренера спортсменов, который немедленно поднялся со своего места и последовал за пассажиром.

В рубке было спокойно. Командир корабля сидел, откинувшись, насколько позволяла спинка кресла, второй пилот курил сигарету, глубоко затягиваясь и медленно выпуская дым, штурман, держа ладони на наушниках и полузакрыв глаза, слушал эфир. Казалось, никто из них не удивился неожиданному появлению пассажира. Он аккуратно затворил за собою дверь, широко расставил ноги, чтобы держаться устойчивей. Когда секундой позже в рубку вошел тренер, пассажир лишь посторонился, чтобы пропустить его. И опять-таки никто из экипажа не выказал ни малейшего признака удивления или беспокойства.

– Ну, как – спросил пассажир, глядя на командира. Вопрос был задан по-английски. Пассажир владел языком чисто, но легкий, едва уловимый акцент свидетельствовал о том, что язык этот не был для него родным.

– Все о'кей, – ответил командир невозмутимо.

– Насколько возможно в этих условиях, – дополнил второй пилот.

– Неожиданности? – поинтересовался пассажир, не проявляя никакого волнения.

– Ветер, – на этот раз ответил штурман. – Не по прогнозу. Норд-вест, с моря. До двухсот сорока футов. В этом году ветры вообще словно с цепи сорвались.

– Вроде бы ни к чему нам такой ускоритель, – сказал пассажир.

– Совсем некстати, – пробормотал тренер команды.

– А, ладно, – усмехнулся второй пилот. – Мелкая картошка.

– Значит, пронесет? – спросил пассажир.

– Боюсь, что занесет далековато, – кивнул командир.

– Может перенести через границу?

– Джордан, – сказал командир, – как полагаешь?

– Не думаю, – сказал штурман.

– Джордан так не считает, – сказал командир.

– О'кей, – сказал пассажир. – Поживем, увидим. Тогда у меня пока все. А у вас, тренер?

– Я подожду до земли, – сказал тренер. – Хотел только сказать, что у нас всё в порядке.

– Хотите кофе? – предложил штурман.

– Потом, – сказал пассажир. – На земле. Просигнальте успели?

– Это автоматически, – объяснил второй пилот. – Комп подает сигнал без наших просьб.

– Спасибо за информацию, – поблагодарил пассажир.

– Не стоит благодарности, – ответил капитан.

Пассажир кивнул и неторопливо вернулся в салон, где включенные табло просили пассажиров воздержаться от курения и пристегнуть ремни.

– Ваши ребята хорошо переносят передряги, – сказал пассажир одобрительно тренеру, когда тот проходил мимо, направляясь к своему месту.

– Иначе нельзя играть, – сказал тренер.

– Покачивает, – сказал пассажир, держась за подлокотники кресла.

– Не без того.

– Могут быть легкие осложнения, как вы думаете? – спросил пассажир. – Путается вся топография. Может забросить куда-нибудь – в центр какого-нибудь города.

– Без осложнений редко обходится, – сказал тренер равнодушно. – И в городах люди живут.

Пассажир усмехнулся и, ни на что более не отвлекаясь, направился к своему месту. Для этого ему пришлось миновать несколько рядов. Люди, мимо которых он проходил, смотрели на него безразлично. Словно бы его вылазка к пилотам осталась незамеченной.

Кабина снижалась. Само приземление состоялось относительно благополучно. Опускавшаяся кабина счастливо миновала лес – не очень густой, кстати, – и лишь чиркнула по верхушкам деревьев, по самой опушке, после чего достаточно ощутимо, но все же не очень опасно ударилась о мягкую, поросшую травой землю обширной поляны; аэростаты, успевшие за время спуска стравить почти весь газ (иначе кабину с людьми могло бы унести вообще неизвестно куда), – яркие оболочки баллонов перед тем, как погаситься, еще несколько метров протащили громоздкое тело машины по кустам, безжалостно ломая их, затем опали – и на этом рейс закончился.

Люди еще секунду-другую сидели молча, потом все разом зашевелились, отстегивая ремни и выбираясь с немалым трудом в проходы между креслами. Это было нелегко, потому что кабина лежала с сильным креном на борт – именно на левый, в котором были двери, так что для того, чтобы выбраться из машины, пришлось воспользоваться аварийными выходами. Несколько минут продолжались внезапно вспыхнувшие беспорядочные разговоры – вернее, не разговоры даже, а обмен какими-то междометиями, обрывистыми фразами, малоприспособленными для изложения мыслей, но прекрасно передающими чувства и настроения, и для того только и служащими, чтобы дать выход внутреннему напряжению. «Ну, слава Богу – смотрика, а? Все-таки... – М-да, знать бы заранее... – А я уж было подумал... – Смотрю на тебя, ты сидишь серьезный, как в церкви... – Ну, такое ли приходилось переживать! Вот однажды... – Ладно-ладно, воспоминания потом, сейчас в самый раз было бы проглотить, это точно...» – и тому подобное. Многие с облегчением закурили, и привычный запах табачного дыма смешался с ароматами летней ночи.

Было двадцать третье июля, пора все еще коротких ночей. Самое начало суток – половина второго ночи, но настоящей темноты так и не установилось: почти полная луна временами показывалась из-за туч и позволяла ясно разглядеть и обширную поляну, на которой приземлилась превращенная в спасательный ковчег кабина самолета, и неравномерно зубчатую, словно кардиограмма больного человека, кромку леса на востоке, и – на севере, поближе – другие заросли, не столь высокие, скорее напоминающие кустарник; похоже, что за ними протекала небольшая речка, быть может даже просто ручей. На юге и западе лес подступал к людям почти вплотную и уже не выглядел сплошной лентой, но расчленился на отдельные деревья и их группы. С первого взгляда не было заметно никаких признаков цивилизации: ни захудалой постройки, хотя бы полуразвалившегося сарая или охотничьей избушки, и ни единого огонька не светилось, насколько хватал взгляд. Можно было подумать, что потерпевших аварию людей и в самом деле забросило в какие-то Богом забытые и не востребованные людьми места; однако все прекрасно понимали, что приземлились в Европе, хотя почти на ее окраине, однако вся Европа населена не так равномерно-густо, как это представляется по книгам, и в ней еще немало мест, где можно и заблудиться, особенно в ночной мгле, и даже погибнуть нечаянно; правда, об этом люди не думали: активной группе не страшно то, что способно всерьез испугать одиночку. И все же мгновенная растерянность, похоже, охватила спасшихся; однако уже в следующую секунду командир начал отдавать распоряжения экипажу, а тренер – своим спортсменам, и все очень быстро успокоилось окончательно и принялись за дело, всем своим обликом и движениями стараясь выразить, что ничего страшного, собственно говоря, не произошло; словно бы такие происшествия были заранее предусмотрены расписанием полетов.

(170 часов до)

В то время, как члены экипажа и спортсмены, собравшись группой подле измятых останков завершившего свой жизненный путь летательного аппарата, занимались непростым делом выгрузки багажа, тот пассажир, что во время аварийного спуска навестил пилотов самолета в их кабине, отошел шагов на двадцать и, остановившись, неторопливо и внимательно огляделся. Постояв так с минуту и не услышав, надо полагать, и не заметив ничего такого, что могло бы вызвать у него тревогу, он широкими шагами направился в сторону предполагаемой речки. Пройдя метров двести, вышел на неширокую, разбитую грунтовую дорогу, что шла к лесу. Пассажир нагнулся, внимательно ее разглядывая, и без труда различил следы широких гусениц. Он что-то проворчал себе под нос, пересек дорогу и продолжил путь в прежнем направлении.

Достигнув полосы кустарника, он решительно углубился в нее. Предчувствие не обмануло: за кустарником действительно открылась речка – неширокая и безмолвная, лишь по временам нарушавшая тишину ночи негромким воркованием. Пассажир отломил веточку, бросил ее в воду и таким способом без труда установил, что река текла слева направо – если стоять лицом к ней на этом, правом, как оказалось, берегу, южном.

Он постоял недолго, глядя на светлую дорожку, что наискось ложилась на воду, когда луна на краткие мгновения показывалась из-за туч. Потом вынул из кармана замшевой куртки, в которую был одет, маленький кожаный футлярчик, извлек из него шарик – слуховую капсулу, вложил ее в ухо и застыл, прислушиваясь. Еще через несколько секунд начал медленно поворачиваться, переступая ногами на месте, – два или три раза останавливался на секунду-другую, потом возобновлял движение. Завершив полный оборот – кивнул, словно соглашаясь с самим собой, вынул капсулу из уха, водворил в футляр и спрятал его в карман.

Похоже, ничего другого ему и не нужно было. Он подошел вплотную к воде, так что носки его туфель ушли в мокрый песок, присел на корточки, сложил ладони ковшиком, зачерпнул воды, поднес к лицу, принял, попробовал на язык, но пить не стал, а выплеснул воду и вытер ладони платком. После этого он повернулся и зашагал обратно – туда, где оставались его товарищи по несчастью, пробормотав лишь:

– М-да, занесло, прямо сказать, далековато...

Люди уже справились с выгрузкой багажа (некоторые чемоданы оказались изрядно помятыми, но, будем думать, никто не посчитал этот ущерб чрезмерной платой за спасение; тем более, что спортивные сумки, весьма объемистые, кстати, находились в пассажирском салоне и вовсе не пострадали, а сейчас были в полном порядке сложены в стороне). Закончив свою работу, подтянув и свернув оболочки, люди, придя, надо полагать, к выводу, что ночью их никто разыскивать не станет и на помощь в ближайшие часы рассчитывать не приходится, пытались как-то поудобнее устроиться на ночь; кто-то успел уже приготовить себе немудреное ложе, натаскав сена из обнаруженного неподалеку, тут же на поляне, стога, большинство же решило скоротать ночь в тех самых креслах, в которых сидели во время полета. Чуть поодаль от накренившейся кабины трое возились, опустившись на колени – похоже, закапывали что-то, может быть – остатки от импровизированного ужина, делали так, как и полагается поступать туристам на лоне природы. Люди эти орудовали маленькими лопатками, известными под названием саперных. Никто не обращал на них внимания. Только пассажир, вернувшийся от речки, внимательно посмотрел, но очень быстро отвел взгляд. Словом, все было спокойно. И никто почему-то не только не спросил, но даже не подумал вслух о причине того взрыва, который и вынудил систему вступить в действие. Как будто самолеты взрывались в воздухе каждый

день. Хотя, быть может, такое отсутствие любопытства можно было объяснить тем, что никому не хотелось даже в мыслях возвращаться к страшному событию.

Лишь командир корабля стоял в отдалении, словно погрузившись в мысли – они вряд ли могли быть веселыми. Пришедший с реки пассажир остановился рядом с ним. Через несколько секунд к ним присоединился и тренер, сделавший, видимо, всё, что от него в этом положении требовалось.

– Ну, пока мы сделали, что требовалось, – негромко сказал он. – Природа иногда нарушает самые точные расчеты, приходится вносить коррективы. Наверное, нам придется пересмотреть программу игр?..

– Боюсь, что так, – подтвердил командир. – Не лишним было бы знать – куда же нас снесло.

– Есть под руками карта? – спросил Милов. – Мне приходилось в недавнем прошлом бывать в этих местах. Попробуем разобраться.

– Джордан! – позвал командир.

– Да, сэр, – откликнулся штурман.

– Карту.

У Джордана через плечо висел планшет, как если бы штурман был военным летчиком, хотя все здесь были из гражданской, частной авиации. Он расстегнул планшет и вынул сложенный во много раз лист.

– Вот здесь, – он указал пальцем, – мы находились в момент взрыва.

– Хороший был взрыв, – сказал командир самолета. – Аккуратный.

Пассажир всмотрелся, не сразу различая контуры в слабом свете карманного фонарика.

– Вот где мы, – сказал он, указывая пальцем. – Километров на полтора восточнее, чем мне хотелось бы. Слишком близко к границе.

– Это плохо? – спросил командир. – Вы свободны, штурман.

Пассажир кивнул.

– Хотя в Европе вообще не осталось границ, – пробормотал Джордан, отходя.

– За исключением этой, – поправил его пассажир. – Других в Европе действительно нет.

– Разве? – спросил командир без особого интереса.

– С недавних пор.

– В Европе, – сказал командир, – вечно что-нибудь меняется. Наверное, здесь сложно жить, мистер Милф?

– Дело привычки, – сказал пассажир.

– Граница на самом деле так непроницаема? Чего ради?

– Это обычно для государств, не очень уверенных в прочности и законности своего статуса. – Милов усмехнулся. – Такие обычно крикливы, жестоки и страшно обидчивы, но они относятся к неприкосновенности своей территории крайне болезненно, я бы сказал даже – истерично.

– Это их проблемы, – сказал командир.

– Такие формации как правило недолговечны. Но подобные государства, страдающие комплексом неполноценности, нередко встают на уши, чтобы самоутвердиться и приобрести авторитет в мировом масштабе. Так что это не только их проблемы, командир.

Несколько секунд они помолчали. Потом Милов сказал – на этот раз в его голосе звучала озабоченность:

– Мы сейчас оказались в их восточной приграничной зоне. Тут охрана и контроль ведутся наиболее тщательно. Пограничники, войска, национальная гвардия. . . Наше снижение они безусловно не проспали. Не обстреляли, и на том спасибо. Но здесь они окажутся очень скоро, не сомневаюсь. Они уже на колесах, вот-вот вы услышите звук моторов. Но увидите их не сразу.

Они оцепят весь этот район, возьмут в плотное кольцо, а на поляну выйдут, только когда рассветет. Если, конечно, нынешние обитатели унаследовали тактику своих предтеч.

– Насколько я понимаю, в этой обстановке домашний вариант не срабатывает, – сказал тренер.

– Нет, конечно. На него не остается времени. Смотрите. Мы должны были опуститься вот где. Но нас занесло – мы уже видели, насколько восточнее. Тут наше место сейчас. Отсюда до предполагавшегося района исчезновения втрое дальше, чем мы рассчитывали. Тем более, что дороги уже пережвачены, в этом можете быть уверены.

– Вы разобрались точно?

– Ручаюсь.

– Что предпримем?

– Я буду действовать по своей схеме. А вам придется отвлечь внимание от меня.

– Поднять шум?

– Не здесь. Вас наверняка увезут отсюда...

– Попытаются, – усмехнулся тренер. – Это еще не значит, что у них получится.

– Получится, – кивнул пассажир. – Потому, что вы не станете оказывать сопротивления.

Здесь, во всяком случае.

– Тогда нам придется сейчас убрать и весь инвентарь. Мы останемся с голыми руками...

– На время. Теперь смотрите: вероятнее всего, вас повезут по этой магистрали. Вот место, откуда вам проще и надежнее всего будет добраться до места исчезновения: лес, как видите, здесь подступает ближе всего к шоссе. Тут вы стряхиваете сопровождение и таким образом получаете в свое распоряжение машину и всё прочее. А я тем временем постараюсь раствориться совсем в другой стороне: возьму севернее, потом выйду к железной дороге...

– Ясно, – сказал тренер. – Думаю, никаких сложностей не возникнет. А в дальнейшем?

– Дальше – всё, как намечено. Вы отсиживаетесь. Но через сто часов должны в полной готовности быть вот где. Там встретимся. По схеме «Дорожный патруль». Остальное подскажет обстановка. Если возникнут изменения, сообщу. Сеансы связи ежедневно.

– Связь по намеченному графику?

– Постараюсь выходить по расписанию.

– А если с вами что-нибудь случится?

– Мы будем видеть его постоянно, – сказал командир самолета. – Он с маячком. Если что – мы перестанем видеть.

– В таком случае, – сказал пассажир, – будете действовать по схеме «Возвращение». Но к вам – если засветитесь – тут отнесутся в общем-то неплохо. Вот ко мне...

– Вы так хорошо их знаете?

– Я прожил в этих местах десятки лет. Когда это была еще... – Он, не закончив фразы, помолчал секунду. – Хочу предупредить вас: будьте готовы к неприятностям. И не забывайте, что это все-таки не люди. Хотя, думаю, в основном всё пойдет так, как предполагалось. Тем более, что у нас всё, кажется, в порядке?

– Значит, придется играть на другом поле, – тренер пожал плечами. – Только и всего.

– Голов позабываете? – усмехнулся Милов.

– Или поразбиваем, – серьезно ответил тренер. – У нас нет никого ниже третьего дана. Сейчас дам команду, чтобы заложили инвентарь на сохранение – и останется только ждать.

Тренер кивнул в ту сторону, где его воспитанники заканчивали выравнивать землю, в которую перед тем зарывали всякую всячину.

– Найти место исчезновения довольно сложно, – предупредил Милов. – В той обстановке, что была тут когда-то, не протапывали больших дорог. Впрочем, карты у вас есть. Как-нибудь разберетесь.

Он невольно усмехнулся, вспомнив старый армейский анекдот: крестьянка в поле говорит маленькому сыну: «А вон военные машины едут... Вот дядя офицер вышел... Карту рассматривает... Сейчас подбежит, будет дорогу спрашивать».

– Разберемся, – согласился тренер. – А вы? Кажется, вам придется нелегко: ваше время сокращается раза в два, если не ошибаюсь.

– Я неплохо ориентируюсь в этих краях, я ведь говорил. Так что не беспокойтесь. Думаю, смогу пройти без особых неприятностей.

– В команде всегда легче.

– Я привык путешествовать в одиночку.

– Дело ваше, – сказал тренер невозмутимо. – Мне приказано выполнять ваши команды, и я намерен так и поступать. Желаю удачи.

– Еще увидимся, коуч. И вам всех благ, командир. Спасибо.

– Надеюсь, – сказал тренер. – Счастливо.

– Всё будет хорошо, – заверил командир. – Сигналы прежние?

Милов кивнул:

– Я сам или, может быть, связник. Если появится. Еще что-нибудь?

– Всё в порядке, – сказал командир.

– Тогда сейчас же просигнальте провожавшим. Дайте им обстановку, только не пугайте.

Потому что серьезных поводов для тревоги нет.

– Джордан! – позвал командир самолета.

– Сэр?

– Давайте связь.

– Да, сэр.

– Ну, я пошел, – сказал пассажир.

– Удачи, мистер Милф, – пожелал тренер.

– И вам того же.

Подойдя к сложенному подле самолетной кабины багажу, Милов без труда выудил из кучи свою сумку, перекинул ее ремень через плечо, повернулся и, мягко ступая, двинулся к лесу.

Летчик и футбольный тренер смотрели ему вслед. Луна зашла за тучи, и вскоре Милова совсем не стало видно.

Зайдя в лес, он еще с полчаса шел, углубляясь в чашу. Потом остановился. Огляделся, прислушался. Всё было спокойно. Он извлек из сумки плоскую коробку рации. С ее помощью отсюда можно было связаться хоть со Штатами, но ему так далеко не нужно было. Он уселся близ большого куста и послал вызов. Потом негромко заговорил в микрофон.

Вскоре ему ответили. Он слушал внимательно, все более хмурясь, сжимая губы, словно стараясь удержать какие-то слова, что могли бы оказаться неуместными. Но когда надо было ответить – голос его прозвучал совершенно спокойно:

– Вас понял. Приму к сведению.

Выключил рацию, упрятал ее в сумку и двинулся дальше.

3

(169 часов до)

«Сукин сын!» – подумал он и, мысленно же, добавил еще пару словечек покрепче, когда тяжелый башмак – явно солдатский – тяжело опустился на присыпанную опалой хвоей землю

совсем рядом с пальцами его левой руки, уже протянувшейся вперед для очередного движения вперед (по-пластунски, на брюхе).

Хорошо, что здесь, в лесу, было еще темно, да и тучи как раз напоззли; хорошо было и то, что солдат не смотрел под ноги, а глядел выше, медленно поворачивая голову, взглядом сканируя свободное от деревьев пространство.

Это было внутреннее кольцо охраны, проходившее в полусотне километров от государственной границы. Видно, Технеция не скупилась в средствах для охраны своей неприкосновенности.

До сих пор все шло вроде бы благополучно. Пробраться ночным лесом, взяв нужный азимут, не представляло для Милова труда; ноковизор, которым его не забыли снабдить, своевременно извлеченный из сумки, помогал вовремя замечать и обходить препятствия – до сих пор преимущественно естественные. Но сейчас положение изменилось. Видно, он все же зазевался в какой-то миг, успокоенный гладким течением событий – и не углядел вовремя простенькую ловушку, сигнальную проволочку, тянущуюся поперек его пути на высоте примерно сантиметров двадцати пяти – тридцати. Ощутил ее лишь тогда, когда она легко спружинила, задетая его ногой.

Он успел упасть и отползти в сторону и назад – подальше от нее. И не ошибся: уже через несколько минут послышались шаги. Приближалось сразу несколько охранников. Они шли, рассыпавшись в цепь. Если и они вооружены приборами ночного видения, то шансов благополучно проскочить у него не останется.

На всякий случай он вынул из ножен десантный кинжал. Впереди уже суетились огоньки фонариков. Скрещивались, расходились, замирали на месте и опять возобновляли движение.

Милов старался дышать бесшумно. И благодарил судьбу за то, что здесь не было собак. Возможно, технеты не испытывали особого доверия к естественным, живым помощникам, предпочитая полагаться на приборы. А может быть, собак просто не хватало на всю охрану. На внешней границе страны они наверняка были. Но сейчас это волновало его меньше всего.

Солдаты приближались. Они шли метрах в десяти друг от друга, не больше. И нельзя было напасть на одного так, чтобы этого не заметили другие.

Еще минута, две – и его неизбежно заметят.

«Положение опасное, – подумал Милов, – но сложным его не назовешь. Ситуация достаточно элементарная. И есть способы выхода из нее. Известные приемы. Конечно, настоящего ловца так не проведешь. Но ведь не может быть, чтобы все они были настоящими ловцами. Очень не хотелось бы...»

Правда, тут без жертв не обойтись. Однако эта мысль как раз не очень беспокоила Милова.

Будь против него люди – он наверняка не думал бы об этом с такой легкостью. Моральная сторона убийства не доставляет никаких затруднений лишь на войне. А войны сейчас не было, ее и не предвиделось. И убить человека в этих обстоятельствах было бы для него не так просто, несмотря на то, что в разные времена ему приходилось делать это.

Да; но тут он имел дело не с людьми. Технет, как ему было известно из всех предоставленных ему материалов, при всем внешнем сходстве не человек, а механизм. Машина. И когда речь идет о технете, нельзя даже говорить об убийстве. Ты просто выводишь из строя аппарат – пусть сложный, тонкий, но все же аппарат. И ответственность тут может быть только материальной, а никак не моральной.

Это неодушевленные существа. И хотя Милову приходилось слышать разные мнения на этот счет, он не без оснований полагал, что дело теологов – рассуждать о том, можно ли мыслящие машины причислять к существам одушевленным, и распространяется ли благодать Господня также и на них. Для практика машина всегда останется неживой. Даже если он признает за нею наличие определенного характера, привычек и прочих атрибутов живого существа.

Поэтому Милов, осторожно пошарив в сумке, вытащил пистолет с длинным стволом. Бесшумное оружие, один из образцов, изобретенных и изготовленных в его стране.

Он тщательно прицелился в самого дальнего из видимых ему солдат, не забыв перед тем отвести предохранитель. И нажал спуск.

Пистолет коротко вздохнул.

Было нелегко попасть в находившегося в тридцати метрах солдата, как раз перед выстрелом наполовину защищенного стволом сосны. Однако Милов стрелял наверняка; иного он не мог себе позволить.

Солдат упал, не издав ни звука.

Однако ожидаемого эффекта не получилось. По миловскому сценарию, ближние в цепи должны были броситься к упавшему – чтобы выяснить, что с ним приключилось и при нужде оказать помощь. Но этого не произошло. Солдаты продолжали двигаться в прежнем направлении. Просто в цепи возникла брешь.

«Технеты, – подумал Милов. – Аппараты, не обладающие эмоциями. Им, надо полагать, чуждо инстинктивное движение – броситься на помощь ближнему своему».

Итак, прием не помог. И воспользоваться образовавшимся промежутком было невозможно: он не успеет проползти тридцать метров, цепь выйдет на Милова раньше.

Ну что же; это ведь всего лишь машины...

Отчего только приходится каждый раз заново убеждать себя в этом?

Он медленно-медленно поднялся. На этот раз прицелиться – прямо в того, кто приближался к нему – было куда проще.

Прозвучал второй, еле уловимый вздох. Словно одна машина сожалела о другой.

Но на этот раз прочие солдаты отреагировали. Может быть, потому, что этот, падая, негромко, но все же вскрикнул.

Цепь разорвалась.

Милов отползал наискось, по диагонали, закинув сумку на спину, чтобы не производить лишнего шума. Хотя его вряд ли услышали бы. Второй солдат громко стонал. Совсем так, как стонал бы человек.

Милов выругал себя за неточную стрельбу. Хотя, если разобраться, все получилось как раз к лучшему.

Переползая, он нашарил обломок сука. И, отжавшись от земли, метнул его в ту сторону, откуда пришел – словно гранату.

Сук опустился с громким шорохом. И тотчас двое солдат бросились туда. Ударили очереди. Фонтанчики хвои взлетали в воздух.

Зато дорога теперь была открыта.

4

(168 часов до)

После этого он до Текниса добрался спокойно, без единой накладки, хотя именно эта часть пути теоретически представлялась наиболее опасной, потому что до той поры ему ни одного живого технета видеть не приходилось. Солдат он не считал, потому что воспринимал их лишь как темные силуэты, да и вообще по солдатам трудно судить обо всем населении; у них своя интернациональная специфика.

Действительно, вчерашний день завершился до удивления благополучно.

Оставив охранную цепь позади, предоставив им разбираться в том, что и каким образом произошло, отойдя подальше от места событий – он, благодаря надежно хранившемуся в памяти знанию географии, без труда определил направление на железную дорогу, и уже через два с небольшим часа вышел к полустанку, на котором (во всяком случае, прежде) останавливались местные поезда; а других в стране сейчас и не было. Какое-то время Милов колебался: опасно было, не зная нынешних нравов и обычаев, показываться на станции среди ночи, и, безусловно, намного спокойнее (хотя далеко не столь комфортабельно) стало бы провести остаток ночи в лесу. Однако ранний рассвет заставил его понять, что в лесу его сейчас заметит любой случайный прохожий, а всякий, пытающийся укрыться в чаще, сразу же вызывает куда больше подозрений, чем некто, уверенно и открыто пришедший на станцию и расположившийся на скамейке в зале ожидания; тем более, что он может оказаться и не единственным, а тогда всё и вообще будет выглядеть совершенно естественно. И Милов двинулся на станцию, стараясь вести себя как можно непринужденнее, но внутренне напряженный до предела и каждую минуту готовый к быстрым, решительным и жестким поступкам. Перед тем, как выйти из леса, он постарался отыскать местечко поукромнее и там – в кустарнике – вырыл яму и закопал в ней свою сумку вместе с оружием и всем снаряжением, какое в случае неприятностей могло бы его выдать. Зарыв – привычно зафиксировал место, найдя ориентиры и запомнив пеленги на них.

Перед тем, как выйти к станции Сандра, ему пришлось пересечь шоссе. Движение в этот ранний час было не очень оживленным, и он уже готов был в несколько прыжков перебраться в противоположный кювет, как вдруг послышавшийся гул заставил его укрыться за кустом.

Это шли тяжелые машины, длиннющие, пестро разукрашенные трейлеры из таких, какие развозят срочные грузы по всей Европе. Тягачи славной марки «Мерседес». Металлические полуприцепы были, похоже, основательно загружены – судя по звуку, с каким тягачи брали не очень трудный подъем. Конвой из пяти одинаковых машин.

Конвой шел с востока. А что было тут на востоке? Бывшей каспарийской земли в том направлении, если отсчитывать отсюда, оставалась самая малость. Дальше лежала Россия. На технецийской территории отсюда и до самой границы не было больше ни городов, ни серьезных промышленных предприятий. До урожая было еще долго, так что и не сельской продукцией эти катафалки были загружены.

«Такой крупный груз, – подумалось Милову, – мог тут идти только из России. Что же – торговать никому не возбраняется». Однако с недавних пор Милов знал, что серьезной официальной торговли с Технецией Россия не вела: отношения между государствами не благоприятствовали бизнесу.

Официальному. Но Милов недаром считался неплохим специалистом по контрабанде. Хотя случалось ему и ошибаться.

Глядя вслед одолевшему подъем конвою, Милов задумался. И потом, уже перейдя беспрепятственно дорогу и приближаясь к станции по безлюдному проселку, за неимением другого занятия он продолжал анализировать. Пусть это и не относилось напрямую к его задаче – опыт научит никогда не пренебрегать никакой информацией: в мозаике живой жизни может неожиданно найтись местечко и для нее. Да и сознание, что ты занят каким-то полезным делом, всегда поднимало настроение и помогало ощущать себя нужным человеком, находящимся в нужном месте и в соответствующее время.

«Итак, кто-то вывозил что-то из России. Вывозил контрабандой, но весьма своеобразной, более всего походившей на контрабанду государственную, или, во всяком случае, на негласно признаваемую государством: слишком уж гладко все шло, если учитывать, как серьезно охранялась эта граница с технетской, внутренней стороны. Россия – другое дело, с той стороны граница все еще оставалась чисто условной, охрана ее была поставлена скверно по отсутствию людей и денег; да и много было границ у России, такой их протяженностью вряд ли обладало еще какое-либо государство в мире. Так что с той стороны участие государства не предпола-

галось, хотя, – думал Милов неспешно, – какие-то официальные лица – персонально – и могли быть, и даже наверняка были в таких перевозках заинтересованы. Значит, что-то из России вывозилось – силами Технеции, но, скорее всего, по заказу неких третьих стран или третьих лиц».

Было два способа установить связь вещей: если узнать, что же именно вывозится – можно было бы прикинуть, а кому такой груз мог бы потребоваться; или же наоборот: установить адресат – и уже от этого танцевать, строя предположения относительно того, что же именно могло понадобиться такому получателю. Да, разумеется, Милов мог этого не делать, даже более: не должен был этого делать, его наняли по другой необходимости, и не будь тут замешана Россия, он в данной обстановке, вернее всего, и не стал бы отвлекаться, а постарался бы как можно быстрее и незаметнее исчезнуть, чтобы обрести наконец нужную свободу действий; но его страна именно была замешана, пусть и пассивно, а он никогда не переставал чувствовать себя ее гражданином – в какой бы части света ни находился и по какому договору бы ни работал. Только ощущая себя гражданином своей страны, можно чувствовать себя уверенно в роли человека, которому доступен весь мир; к этому выводу Милов пришел еще в пору первой своей зарубежной операции. Так что надо было что-то сделать для своей страны – по этой вот причине, и еще по некоторым другим.

«Что же, придется выкроить время и для таких делишек... А сейчас надо сосредоточиться на окрестностях: чем ближе к станции, тем становится опасней. Не хотелось бы снова наследить».

По счастью, действовать жестко больше не пришлось. На станции не было видно даже дежурного, но зал ожидания оказался открыт, и на массивной скамье уже сидело двое.

Картина технетского мира, новая для Милова, выглядела точно такой, какой была бы, если бы здесь по-прежнему обитали люди, а двое, что сидели поодаль друг от друга, каждый на своем конце лавки, ничем не отличались от любого разумного существа на Земле – от самого Милова хотя бы. Во всяком случае, на взгляд не отличались. И одеты они были примерно так же, как он – а вернее, это Милов был одет подобно им, потому что вопрос о том, как он должен выглядеть, глубоко и серьезно обсуждался во время его подготовки к операции. Фотографии, как-то попавшие в мир, давали приблизительное представление о том, что и как носят технеты у себя дома; ничего особенного – в основном те же самые джинсы и соответствующие куртки, или джинсовые же комбинезоны, вряд ли с престижными лейблами; вот и Милова так одели, и, как теперь оказалось, поступили совершенно правильно. И хорошо, что свою замшевую куртку он предусмотрительно засунул в сумку перед тем, как зарыть ее поблизости.

Он уселся в середине скамьи, на равном расстоянии от одного и другого, чтобы можно было боковым зрением наблюдать сразу за обоими, в случае каких-то их действий успеть принять контрмеры, а если такой надобности не возникнет – просто привыкнуть к соседству человекоподобных механизмов, научиться воспринимать их, как нечто естественное и дружественное, если же он заметит какие-то специфические их особенности – жесты, слова и тому подобное, – постараться запомнить их и взять на вооружение. До ближайшего поезда, как сообщало висевшее на стене расписание, оставалось более трех часов, так что времени для привыкания было вполне достаточно.

Милов хотел оставаться совершенно спокойным; внешне это ему, похоже, удавалось, но внутренне он был напряжен, казалось, до мыслимого предела. Потому что рядом с ним сидели вроде бы люди – но на самом деле они не были людьми. Ему было бы гораздо легче, если бы они не были похожи на людей, и чем меньше были бы похожи, тем он был бы спокойнее – хотя это сразу выдало бы его первому встречному, а он ведь не знал, каким был сейчас тут статус людей, и никто вовне не знал: может быть, им вовсе не полагалось пользоваться железной дорогой, или входить в здание вокзала, или, как существам подчиненным, полагалось каким-то образом приветствовать технетов – хозяев этого маленького провинциального мирка, но тем

не менее хозяев... Однако на взгляд это были люди, натуральные люди; они никак не походили на серийные изделия, напротив – обликом разительно отличались один от другого, что было бы совершенно естественно у людей и казалось неверным, ненужным, невероятным – у машин. Не поворачивая глаз, Милов наблюдал так пристально, что уже глаза заболели, отмечал всякое случайное движение, пытался найти признак, по которому можно было бы безошибочно отличать технета от человека – и не находил. Вероятно, творцам этих биологических аппаратов было свойственно определенное эстетическое чувство, и они понимали, что сотни тысяч и даже миллионы одинаковых фигур вызывали бы уныние не только у посторонних, но и у самих технетов – не исключено, что и им было свойственно ощущение личности, и уж во всяком случае (об этом Милова предупреждали) пока что, не создав оригинальной структуры своего общества, они в очень многом просто подражали людям, пользовались готовыми стереотипами и алгоритмами. И тем не менее, надо было смотреть и искать...

Три часа протекли спокойно; за сто восемьдесят минут и один, и другой пассажир не произнесли ни слова; один из них выкурил три сигареты – из чего следовало заключить, что технеты, в числе прочего, унаследовали от людей и их – во всяком случае, некоторые – пороки; в основном же и тот и другой дремали, и Милову пришлось немало постараться, чтобы не последовать их примеру и остаться бдительным до конца. В шесть часов утра открылась касса: совершенной расе приходилось оплачивать проезд точно так же, как ее предшественникам, теперь неизвестно куда канувшим. Милов, услышав какое-то шевеление за пока еще закрытым окошком, неторопливо поднялся и вышел на перрон, в то время как соседи его подошли к окошку и замерли в ожидании. Потом вошел снова и встал за ними. Жаль было тратить местные деньги на билет, – денег ему дали очень, очень немного, – но еще глупее было бы рисковать; сейчас задачей было – не выделяться среди технетов, и раз они брали билеты, следовало взять и ему. Кто знает – может быть, они сохранили, среди прочих достижений цивилизации, и билетных контролеров?

Поезд подошел без опоздания – самый обыкновенный поезд, какие и раньше здесь ходили, не с креслами самолетного типа, но с давно и прочно знакомыми жесткими полками. Билетов никто не проверял, да это было бы весьма затруднительно в плотно набитом вагоне; в нормальной обстановке Милов избегал толчеи, но сейчас теснота его обрадовала: он почувствовал себя растворенным в массе, невидимым, а значит – находящимся в безопасности.

Всё было, как у людей – если не считать молчания, полного безмолвия, в котором проходила поездка. Каждый (чувствовалось) был здесь сам по себе, обособлен и одинок, и до всех остальных ему не было никакого дела, гори они синим огнем. «В общем, не удивительно, – подумал об этом Милов, – все-таки, только людям свойственно сочувствие и сопереживание, ну, еще собакам, может быть, но уж никак не механизмам».

До Текниса поезд шел три часа, дольше, чем в старые времена, останавливаясь, как говорится, у каждого столба; с каждой остановкой народу всё прибавлялось, так что под конец даже дышать стало затруднительно. Это, кстати, убедило Милова в том, что технеты вдыхают и выдыхают воздух точно так же, как люди; весь этот механизм был скопирован идеально точно. Но еще более поразило Милова то, что роботы эти обладали – как если бы они были людьми – каждый своим обликом, отличаясь от других и фигурой, и чертами лица; технеты вовсе не походили друг на друга, как походят продукты крупносерийного производства, они действительно были – каждый сам по себе. Это было приятно, но и опасно: совсем немного нужно было расслабиться, чтобы поверить, что ты находишься в нормальном человеческом окружении – и внутренне разоружиться; а этого делать было никак нельзя.

И только глаза напоминали о том, что это все же не люди: даже не равнодушный, но настоящему пустой взгляд ничего не выражающих глаз, которые у технетов вряд ли можно было назвать зеркалом души. Да у них и души, надо полагать, не было. Если только она не

является всего лишь производным достаточно сложно организованных тканей – на чем продолжают настаивать убежденные материалисты.

(Но – каждому воздастся по вере его...)

Когда поезд остановился, наконец, у столичного перрона, пассажиры стали выходить без лишней толкотни, старались не мешать один другому; возможно, и здесь сказывалось стремление к обособленности. На вокзале не было никакого контроля (чего Милов в глубине души опасался), всё было тихо-спокойно, не чувствовалось, что в этой стране чего-то боятся. Да, собственно, бояться им было и нечего.

Кроме, быть может, самих себя? Трудно сказать. До сих пор и в поведении человеческих масс слишком много неясного, а поведение массы андроидов никто до сих пор вообще не изучал – по причине отсутствия предмета исследования.

Так или иначе, Милов благополучно покинул вокзал (ничуть не изменившийся с той поры, когда он уезжал отсюда в последний раз) и, старательно подражая окружающим, направился к недалекому отсюда центру.

Глава третья

1

(164 часа до)

В последний, двадцать восьмой, день месяца Сетей, иными словами, в канун первой Недели Провозглашения, в двадцать два часа с минутами в Текнисе, на углу Шестой Юго-Восточной Спицы и Третьего Внутреннего Обода (в том месте, где он носит название Сквера Четырех Единиц), случилось необычное. На широком тротуаре, по которому двигалось еще довольно много прохожих (движение в столице иссякает обычно к двадцати трем), вдруг возникла какая-то суতোлка. Шагавшая по своей стороне тротуара, среди многих других, техналь первого рабочего срока, чей вид не вызывал никаких сомнений относительно ее состояния, оказалась на деле неисправной; внезапно, ни с того ни с сего, она участила ритм дыхания, сбилась с нормального темпа движения, создавая тем самым неудобства для двигавшихся вслед за ней, несколько раз, уже совсем остановившись, переступила ногами – и медленно опустилась на тротуар; мгновение удержалась в сидячем положении, а затем и вовсе улеглась горизонтально – не то чтобы поперек тротуара, но наискось, так что приходилось переступать через нее, чтобы задержка движения не стала серьезной.

Несколько шедших позади нее технетов и техналей так и сделали, и это было вполне обычно и естественно, потому что никто из них не принадлежал к Службе исправности. Однако шедший в нескольких метрах за ними технет неожиданно и неоправданно увеличил скорость и опасно устремился вперед, для чего ему пришлось войти в соприкосновение с передними; они еще не успели отреагировать на его действия, как он уже поравнялся с упавшей техналью, резко остановился, опустился на колени, обнял ее за плечи и начал приподнимать с тротуара – хотя ничто в его облике, начиная с цвета комбинезона, не говорило о принадлежности ни к Службе исправности, ни к Системе порядка. Да, именно опустился на колени рядом с нею, окончательно прервав движение по тротуару, обнял и начал поднимать, не имея на то никакого права.

Он подsunул ладони под плечи упавшей и ощутил тепло ее тела. Приподнял ее, чтобы удержать в сидячем положении; сильно подул ей в лицо – ничего другого и не сделать было. Она медленно открыла глаза, большие, карие.

– Вам плохо? – Но тут же он поправился: – Вы неисправны?

– Я... Трудно дышать... я... – Но тут во взгляде ее зажегся страх. – Я исправна, совершенно исправна, прошу вас...

– Я помогу вам.

– Прошу вас... Это случайность, у меня все в порядке, уверяю...

– Но я ведь ничего...

Ее взгляд, только что еще туманный, прояснился.

– Вы... не слис? Нет, вижу... И не сипо? Но тогда...

От нее исходил тонкий, горьковатый запах, и технет, стоявший на коленях, невольно вдохнул поглубже. Кто-то, чтобы пройти, толкнул его коленом, чья-то куртка мазнула по голове.

– Вставайте, вы можете? Поднимитесь же! Как вас зовут?

– Нет, голова кружится... Но вам нельзя...

– Я провожу вас – вам снова может стать дурно...

Кто-то с силой сжал его плечо. Технет поднял голову. То был слис. Второй остановился в двух шагах. Слисы всегда прибывали не позже чем через пять-шесть минут после проявления неисправности. И всегда не менее чем вдвоем.

– Встаньте, – голос слиса был, как и полагается, ровен и негромок. – Ваш номер? Постоянное место? Когда возникла неисправность? При каких обстоятельствах?

Слис смотрел не на техналь, а на него – и спрашивал, следовательно, о его неисправности.

– Я в порядке, слис.

– Вы неисправны. Номер? Место Реализации Смысла?

Он еще стоял на коленях, ни слова не говоря в ответ.

Пальцы слиса на плече технета сжались жестче.

– Встать.

– Слис, я...

Второй слис шагнул к нему.

– Встать!

Тут и произошло, собственно, необычное – потому что неисправность, постигшая технета прямо на улице, вовсе не такая уж большая редкость. Невероятное заключалось не в этом.

Коленопреклоненный технет осторожно снял ладони с плеч неисправной технали – она не опустилась после этого на тротуар, но усидела, опершись на руки, – и начал подниматься во весь рост.

Но вместо того, чтобы выпрямиться и застыть, ожидая дальнейших указаний слиса, технет, разгибая колени и еще согнутый в пояснице, неожиданно и резко, головой вперед, рванулся в сторону, пружинно оттолкнувшись ногами.

Это было – да, это было неповиновение. Серьезнейшая неисправность, которая могла, и даже должна была привести к...

Нарушая общепринятый и привычно размеренный ритм пешего хождения, неисправный технет мчался по тротуару, петляя и все же натываясь на идущих, выскакивая то и дело на полосу встречного хождения, пугая горожан резкостью и непредсказуемостью движений, тем более странных, что лицо бегущего стремглав технета сохраняло общепринятое невозмутимое выражение, и только глаза метались. Лишь несколько долей секунды истекло с мгновения, когда он рванулся – и оба слиса кинулись вдогон ему, почти точно повторяя его маневры, без стеснения проламываясь сквозь колонну и не произнося при этом ни звука в свое извинение. Лица их были точно так же невозмутимы, как и у бежавшего, лишь чиркали подошвы по асфальту и отработанный воздух с громким шорохом вырывался из предназначенных для окислительного процесса отверстий на лицах в наступившей вдруг тишине; по сторонам все уже остановилось, не рискуя продолжать движение в такой непонятности. Но за те доли секунды, на которые беглец опередил слисов, он успел вырваться вперед на десяток метров, и еще потом чуть увеличил дистанцию, пока те двое набирали скорость; зато потом расстояние между ними стало заметно сокращаться, и ясно было, что надолго эта погоня не затянется.

Так и получилось – вернее, если быть по-технетски точным, не совсем, но почти так. Убегавший, вынесшись уже на самое острие угла Спицы и Обода, вдруг каменно застыл на месте, сколь бы это ни представлялось невероятным при его скорости; застыл, и только как бы волна от его движения покатила дальше, а сам он словно сложился вдруг, присел на корточки, сразу же скрывшись от наблюдения поверх голов – и исчез, совсем исчез. Во всяком случае, когда слисы подбежали и тоже остановились – не так, впрочем, круто, – и стали смотреть сперва под ноги, а потом по сторонам, его уже не было видно. Это при том, что по проезжей части машины шли в затылок одна другой (близился час покоя, и все, кто еще не был в местах нерабочего пребывания, торопились туда) и ни одной подворотни не случилось по соседству, куда беглец мог бы укрыться. Был, правда, подъезд – но дверь его все время так и

оставалась закрытой и, кто знает, может быть даже запертой. И тем не менее, аварийный технет исчез, вопреки всем вероятностям. Осмотревшись, слисы встретились взглядами; не будь они технетами, во взглядах наверняка мелькнула бы растерянность, – но они были, и глаза их выразили всего лишь признание факта, приятие неудачи. Постояв на месте менее двух секунд, они согласно повернулись и двинулись от Сквера обратно – туда, где неисправная техналь нуждалась в помощи. Теперь они шагали столь же размеренно, как и все остальные, как бы невольно попав в такт неслышимой музыке. Все было хорошо, мерно, ровно, однако невезение есть род беды, и потому тоже не приходит в одиночку; применительно к сегодняшним событиям это означает, что неисправной технали на месте также не оказалось, и никакого следа, а спросить было не у кого, очевидцев не нашлось, потому что технетам быть очевидцами не полагается; если же им нужно что-то увидеть, их об этом предупреждают заранее, и чаще всего достаточно оказывается самого предупреждения, а видеть становится не обязательным. Так или иначе, слисы на сей раз не смогли похвалиться успехом. Но и неудач своих они не скрывают, и можно быть уверенным, что в их сегодняшнем отчете будут и сведения о двух неисправных технетах разного пола, уклонившихся от оказания помощи. Это значит, что начнется розыск нарушителей, так что инцидент никак нельзя полагать исчерпанным.

Пока же больше ничего не произошло, если не считать того не шепота даже, но как бы дуновения, что побежало сразу во все стороны от перекрестка: «Человек это был! Человек!» – и один-другой технет рискнул оглянуться, как бы случайно, невзначай, потому что порядочный технет смотрит только перед собой, и никак не в стороны. Оглядывались; но все спокойно было вокруг.

2

(162 часа до)

Он осторожно втиснулся между невысокой кирпичной стенкой и мусорными контейнерами, опустился на грязный асфальт, перевел дыхание. Прислушался, но вокруг было тихо – а погоня не бывает беззвучной, – и ощутил вдруг, как мелко задрожали руки, и позволил себе на несколько минут расслабиться: нервы требовали. Только на лице по-прежнему висело безразличие – как вывеска, свидетельствующая о полном благополучии. Он даже прикрыл глаза, хотя сейчас ему лучше бы двигаться, давая выход волнению; однако технеты не совершают лишних действий, и потому им не свойственно метаться по улице из конца в конец; глаз вокруг много, заметят и сообщат...

«На грани провала, – думал Милов о себе, пытаясь увидеть все так, словно не сам он то был, но кто-то другой, незнакомый, далекий, а ему следовало лишь спокойно оценить ситуацию и сделать вывод. Не получалось, однако же; все-таки с ним это происходило, а не с воображаемым чужаком. – На грани провала, а может быть, уже и за гранью. И как все просто оказалось! Тебе чудилось, что ты полностью сумел забыть все, что полагалось забыть, отрешиться от того, от чего необходимо было отрешиться. Но есть же что-то такое – человеческое – от чего избавиться нельзя, можно подавить в себе усилием – но для этого надо успеть осознать надобность такого подавления, а если не успеваешь – действует автоматизм, не технетский – наш, человеческий автоматизм; и вот ты бросаешься на помощь упавшей женщине, и в этот миг куда-то проваливается твердое знание того, что технеты так не поступают, каждый технет знает о себе и всех остальных, что они – лишь машины, и если в какой-то из них возникла неисправность, заботы надо предоставить специалистам, самим же – спокойно следовать своим путем: все, что происходит за пределами твоих предписаний, тебя не касается – вот альфа и омега, вот стер-

жень технецианской мудрости, их конституция, их священное писание. А исправностью технетов занимаются слисы и ремсы – Служба исправности и Ремонтная служба. Слиссы и ремсы. Твое же дело – спокойно пройти мимо...

Вот черт, – подумал Милов, – вот всю жизнь так: когда нужно поторопиться, на тебя нападает стих размышлять; шевелишь мозгами, когда нужно шевелить ногами, а бывает и наоборот. Сейчас надо исходить из того, что внешний номер твой запомнили, и с минуты на минуту нагрянут, чтобы забрать тебя и сдать в ремонт. А уж там в два счета разберутся в том, кто ты таков на самом деле: это ведь только мне кажется, что разницы нет, а она есть, просто я ее не улавливаю. Давай, давай, в темпе, думать будешь потом, в безопасности...»

Где обретет он эту безопасность, Милов совершенно не знал, однако было ему ясно, что сейчас более опасного места, чем этот вот закоулок, ему во всем Текнисе (ранее называвшемся Омнисом) не найти. Правда, закоулок этот был не первым горячим местечком; пожалуй, самой большой опасности Милов подвергался (или мог подвергнуться) полчаса тому назад, когда, оказавшись, наконец, в городе, пешком направился по тому адресу, где его должны были ждать, принять, снабдить необходимой информацией и прочим, что могло ему понадобиться. Он шел не прямым путем, сворачивая по давно знакомым улицам вправо, влево, и снова вправо, и опять влево, привычно стараясь выделить из прохожих возможного преследователя; хвоста он, однако же, не обнаружил и благополучно добрался до нужного места – старого особняка в запрудной части Текниса. Но тут везение и кончилось. Дом был явно нежилым, он кричал об этом заколоченными дверьми и окнами, дорожка, что вела к нему от калитки, заросла травой, створки ворот были чуть ли не навек соединены строительными скобами – ну, и так далее. Конечно, это само по себе могло ничего плохого и не значить: явка на исключалась и в необитаемом доме – но только не в этом случае: Милов был заранее предупрежден, что в доме живут, и хорошо помнил, что ему понадобится сказать при встрече и что услышать в ответ, прежде чем довериться. Но тут некому было сказать и не от кого услышать, а это могло означать лишь, что явка перестала существовать уже достаточно давно. Тротуар перед воротами был выщерблен; очень удобно, чтобы слегка споткнуться и, восстанавливая равновесие, метнуть взгляд назад. Никого; только какое-то существо женского пола метрах в тридцати позади него – шагает, тупо глядя перед собой. Милов постоял, отряхивая с колен воображаемую пыль. Когда взглянул снова – женщины не оказалось более: свернула в переулок, надо полагать. Позади – чисто.

Он оценил обстановку и принял решение, не замедляя шага, прошел мимо домика и двинулся дальше, чтобы найти вторую связь (и последнюю), на которую мог рассчитывать в этом городе. Встреча должна была состояться в центре, и именно туда он и направлялся, когда случился этот эпизод с неисправной техналью, в результате которого Милов оказался в помойном закоулке, куда, к счастью, погоня за ним не последовала.

Он медленно встал. Отряхнулся. Проверил, хранит ли его лицо выражение спокойного равнодушия ко всему на свете; оно хранило. Хоть этому успел научиться... Близ свалки не было ничего подозрительного – прохожих виднелось мало, дисциплинированные технеты выполняли предписанные им в этот час действия в установленных для этого местах. Милов глубоко втянул воздух и пошел – ритмично, размеренно, как здесь только и полагалось.

3

(162 часа до)

Двигался он по направлению к центру города. Надо было добраться до мест, где технетов на улицах больше: в толпе легче исчезнуть, а другого укрытия у него сейчас не было. Он не

очень понимал, откуда берется на центральных улицах такое множество технетов – в часы, официально называвшиеся Временем Реализации Смысла, они должны были находиться при своем деле – и тем не менее, тут весь день колыхалась толпа. Однако что он вообще успел узнать о здешней жизни? Самые азы, да и то не все. Так что спешить с выводами не следовало.

Он спокойно, загнав тревогу глубоко в подсознание, шагал, не нагоняя впереди идущих и не отставая от них. Глаза – строго вперед, голова гордо поднята: ты горд уже тем, что являешься технетом, независимо от того, какое место занимаешь в технетском обществе. А в процессе перемещения тебя интересуют только две вещи: пункт, из которого ты вышел, и тот, куда должен прибыть в назначенное время. Все остальное – не твое дело. Поэтому даже простое человеческое любопытство удовлетворять приходилось украдкой, скашивая глаза в стороны или вверх до последнего предела, до боли.

Тем не менее, он успевал увидеть многое – и увиденное заставляло думать больше и быстрее – настолько оно порой оказывалось неожиданным.

То был тот самый город, в котором он прожил десятки лет – и совершенно другой в то же время, до боли знакомый – и до боли чужой. Не так, как бывает знакомым и одновременно чужим встреченный через десятилетия человек, в лице которого знакомые черты не сразу угадываются за резкой ретушью возраста; но, скажем, скорее так, как узнаешь – и все же не узнаешь человека, с которым вместе носил солдатскую форму, стиравшую социальные различия, а потом вдруг увидел его в штатском, после дембеля, – и понял вдруг, что вы совсем из разных этажей жизни, и равенство ваше перед законом и сержантом было хрупким, а скорее – его и вовсе не было, оно лишь мерещилось. Так и с этим городом оказалось. Он как бы переделался в то, что ему более пристало – и стал высокомерным и чужим, и не для одного лишь Милова (что было бы вполне естественным), но и для всего того технетства, что дефилировало сейчас по улицам, ничего не выражающим взглядом проскальзывая по неожиданно богатым витринам, по шуршавшим мимо автомобилям – американским, немецким, японским, французским, итальянским (кто в них разъезжает, интересно? – мельком подумалось ему), по фигурам полицейских на перекрестках (они назывались здесь регсами, Регулировочной службой, это Милов уже успел узнать, как и немало других полезных вещей). Словом, город похож был на любую другую столицу маленького государства, населенного людьми; только на улицах – и в магазинах, и в автомобилях – были не люди. Милов впервые по-настоящему не то что понял это (понимал он и раньше – теоретически), но почувствовал кожей и всем нутром, как чувствуешь, выйдя на улицу, что стоит мороз – хотя ты узнал это раньше, поглядев на градусник за окном; понял – и отчего-то ему на миг стало страшно.

Он успел уже, в этих впечатлениях и размышлениях, дойти до центра, и сейчас все тем же размеренным шагом миновал Центральный фонтан, который в городе всегда называли просто Фонтаном, хотя был он далеко не единственным. Неожиданно вспомнилось, как давным-давно, в прошлой жизни (которой, быть может, на самом деле и не было вовсе?) он назначил милой девушке из своей школы свидание вот у этого самого фонтана – и забегался по городу, забыл и не пришел, а потом спохватился и кинулся к ней домой, долго скребся под дверью, слыша, что она дома, – но она не отворила; много всяких воспоминаний можно было бы сейчас вызвать из небытия, но этого совершенно не нужно было делать, напротив – следовало забыть о мысли, что этот город когда-то был твоим, а помнить, что нынче он чужой, враждебный, угрожающий, и всё, что ты знаешь о нем, есть всего лишь оперативная информация, нужная по делу, и только так можно ею пользоваться.

Информации же вокруг имелось в избытке. Можно было просто-таки купаться в ней, есть ее, пить, поглощать гектолитрами.

Судя по множеству изречений и транспарантов, в изобилии украшавших улицы, все технеты были равны, поскольку были произведены на свет одним и тем же образом, не имели ни родителей, ни детей, и общим родителем, от которого все они наследовали одно и то же, счи-

талось государство, не знавшее любимых или нелюбимых сыновей и дочерей – все были одинаковы. И им самим, каждому технету, наследовало тоже государство, они ничего не копили, потому что в конечном итоге всё возвращалось к истоку, причине и обладателю всего – к Технеции. Это была, безусловно, очень ценная информация, потому что психология жителей любой страны основывается прежде всего на их отношении к собственности; у технетов же должно было иметься что-то вроде психологии; пусть они были всего лишь подобием людей – значит, хотя бы подобие психологии тоже существовало. И проявлялось наверняка и в этих самых лозунгах – хотя, как прекрасно знал Милов, содержание официальных формулировок нередко не только не соответствует истинным мыслям населения, но прямо противоречит им. И все-таки в любом случае начинать следовало с официального, чтобы потом либо принимать его как истину, либо же использовать от противного. То, что он видел на улицах, не очень вязалось с идеей равенства и ненакопительства. Конечно, не для такого анализа был он сюда заслан, но и эту информацию никак нельзя было назвать излишней.

Черным по белому, лозунги всё тянулись по сторонам, однообразные, располагавшиеся сериями; прочитав одну такую серию, можно было не тратить времени на остальные. Были они просты и рассчитаны на легкое запоминание, не заставляли думать, но утверждали непреложные истины. «Мы пришли на смену людям. Люди владели Землей сто тысяч лет, у нас впереди – миллион». «Людское – устарело. Несите в мир новое. Все новое – технетское. Все технетское – новое». «Люди уходят. Долг технетов – помочь им уйти». «Гуманизм – недостаток рационального мышления. Технецизм есть рациональное мышление, реализованное на практике». «Технетов мало. Но Земля содрогается от их поступи». «Технет – высшее существо во Вселенной». В содержание надписей можно было не вдумываться, но звучали они приятно. «Счастье – это спокойствие и единообразие. Технеция – мир счастья». И так далее. Это было уж и совсем оптимистично.

Были, правда, и другие надписи – вернее, следы их: написанные черным или синим на стенах домов, надписи эти были тщательно замазаны, но местами проступали отдельные слова, а то и целые фразы. «Ассимилируемся среди...» «Мы подобны людям. Почему же нам не быть людьми?». «Вернем...» – дальше было неразличимо, может быть, слово было «Вернемся», теперь уже нельзя было угадать. Но, во всяком случае, существовало здесь, выходит, и другое направление мыслей – и не казалось невероятным, что именно с проявлением иных мнений были связаны следы беспорядков. Правда, пока нельзя было сказать, принадлежали оппозиционные идеи технетам, или, может быть, то были попытки уцелевших тут людей вернуть прошлое? «Ну, поживем – увидим... – думал Милов как-то отстраненно, словно все это его не касалось. – Не могу сказать, что мне здесь очень уж нравится, скорее наоборот; может быть, память мешает увидеть все это непредвзятым зрением – память о том, как здесь было когда-то, при людском правлении, хотя теперь, задним числом, понимаешь, что начала технецизма существовали уже и тогда, только носителями их в ту пору были люди, технетов просто еще не успели изобрести. Не нравится мне. Но ведь я – человек, таким родился и таким умру». Такие мысли приходили в голову Милову, пока он в общепринятом ритме продвигался по центру Текниса, бывшего Омниса.

Он дошел до ближайшего перекрестка. Дождавшись разрешающего сигнала, перешел на другую сторону улицы и двинулся в обратном направлении. В его распоряжении оставалось еще несколько минут, и это время он должен был провести так, чтобы не обратить на себя ничьего внимания. Технет среди технетов; таким он должен был представляться любому.

«И, быть может, раньше умру, чем мне хотелось бы, – подумал он. – Конечно, если бы я располагал временем всё обдумать как следует, я даже и за такие деньги не пошел бы на авантюру, какой эта операция на поверку оказывается. Да и так не пошел бы за деньги; но если есть хоть какая-то надежда разобраться – не с людьми, это проблема не такая уж срочная, и не с технологией изготовления андроидов: тут тоже несколько недель туда или сюда ничего не

решают; но если то, о чем мне говорили, действительно должно произойти – теперь уже через... через сто шестьдесят часов примерно – то вот это такая вещь, ради которой можно и рискнуть собственным долголетием. Несмотря на то, что шансов выпутаться из этой истории у меня, откровенно говоря, до прискорбия мало. Уже почти сутки, как я в стране, а еще совершенно не представляю, с чего начать. Тупик. Окажись я таким образом в любом нормальном государстве со столь же затрудненным выездом – нашел бы какую-то, пусть неофициальную поддержку в посольстве или хотя бы консульстве; или отыскал бы наверняка бывших соотечественников – их сейчас по всему миру пораскидано, и они если даже не помогли бы практически, то по крайней мере снабдили нужной информацией, чтобы представить, что здесь возможно, а что совершенно исключается. И они наверняка есть, только – где? Они ведь – люди... Впору мне уподобиться Диогену – включить фонарик и отправиться на поиски человека.

Только не затянулись бы эти поиски, – думал он дальше. – Едва успею начать – и сцапают меня, жизнерадостного, и придет мне конец. Ведь, если исходить из того, что мне уже известно, я, не успев и двух шагов сделать, уже оказался в розыске; это чревато опасностями. Собственно говоря, не так уж и мало я прожил, в прежние времена люди в моем возрасте считались стариками – да и были ими, наверное; а я вот себя таковым не чувствую, но это – мое личное дело, а объективно – мне даже не очень обидно будет помереть. Объективно, окулярно... Идиотские какие-то слова. Слишком много слов. Вот технеты молодцы: из того языка, что они благополучно унаследовали от своих создателей, оставили, по-моему, слов пятьсот, от силы пятьсот пятьдесят – и прекрасно ими обходятся, не засоряя пространства лишней лексикой...

А впрочем (пришло ему в голову), какого черта возникли вдруг такие настроения? Ведь вот из уличного происшествия ты все же выкрутился без особых усилий, профессионал как-никак?..»

5

(159 часов до)

Все же он был внутренне напряжен до предела, хотя всеми доступными ему способами убедился в том, что непосредственной опасности для него сейчас не было. Однако, как острил порою тот же Мерцалов, по старой, придуманной Миловым кличке – Рокамболь с карамболями, – «пережженного Бог пережжет».

Отступая на несколько метров, фонтан по-прежнему окружали скамейки, предназначенные для отдыха гуляющих в центре города – главным образом приезжих, каких прежде в Омнисе бывало множество. Сейчас с гостями обстояло, надо полагать, скудно, однако скамейки отнюдь не пустовали. Видимо, и человеческое стремление побыть вблизи свободно играющей воды оказалось не чуждым сменившей их расе. Найти место, чтобы присесть, оказалось не так уж просто.

Тем более, что нужна ему была не любая скамейка, а весьма определенная. Третья от аллеи.

Она тоже была занята технетами. Хотя если бы сидевшая с краю женщина (для удобства Милов про себя назвал техналь женщиной) сняла со скамейки свою объемистую дорожную сумку, место оказалось бы. Но Милов успел уже понять, что обратиться с подобной просьбой было бы не по-технетски: повод был слишком незначительным, чтобы вступить в контакт. Технеты не любили контактов. Он уже примирился с тем, что присесть ему не удастся, и сделал шаг в сторону, когда техналь, окинув его быстрым взглядом, после мгновенного колебания с

некоторым усилием приподняла сумку и опустила на землю перед собой. В следующее мгновение она сделала приглашающий жест.

Кивнув в знак благодарности, он подошел и уселся. И только тут узнал ее.

То была та самая, что на миг почувствовала себя дурно на улице. Из-за которой он едва не попал в переплет.

Вряд ли это могло быть случайностью... Пстой, пстой. Там, перед проваленной явкой, тоже была женщина. Конечно, разглядеть ее лица Милов не успел: некогда было пялиться. Но фигура, но движения, насколько он успел заметить и то, и другое... Нет, он не мог с уверенностью сказать, что то была она. Но и противоположного не стал бы утверждать. Но если там была действительно она...

Эта мысль ударила его, как током. Несомненно, в этой неожиданной (для него, по крайней мере) встрече таилась опасность. Может быть и сценка с ее обмороком и падением – это все было подстроено?

Милов хотел уже встать и уйти, – к счастью, ему не пришлось бы объяснять этот поступок, – но техналь опередила его.

– Я узнала тебя, – произнесла она негромким, невыразительным голосом. – Ты хотел помочь мне. Спасибо.

Сказанное ею «ты» удивило его. А также и выражение благодарности. Ему почему-то казалось, что такое чувство не должно проявляться у роботов. Но почти сразу он сообразил, что формы вежливости, очевидно, в Технеции были утрачены, а вот понятие о благодарности уцелело.

– Я рад, что с тобой ничего не случилось, – сказал он в ответ.

– Ничего, – подтвердила она. – Но я и на самом деле исправна. И было бы неправильно, если бы они меня забрали.

– Конечно, – согласился Милов.

У него не было желания продолжать разговор. Он пришел сюда не для того, чтобы заводить знакомство неизвестно с кем. Ему предстояло ждать пятнадцать минут, и если ничего не случится – исчезнуть на сутки, до этого же часа завтра.

Только вот куда исчезнуть – он не знал. И надеялся, что сидит тут не напрасно: если встреча состоится, то ему подскажут, куда деваться. Если же нет...

Но ему сейчас не хотелось думать об этом варианте. Несколько оставшихся минут он предпочитал провести спокойно, не огорчая себя ненужными предположениями, которых можно было бы на ходу сконструировать великое множество. И он сидел спокойно и безмолвно, позволяя двигаться лишь глазам, быстро и тщательно ощупывавшим каждого прохожего – и всякий раз не находившим того, что было ему нужно. Раз-другой он уже запел было песенку – однако вовремя спохватился и, как говорится, проглотил язык.

Сидевшая рядом техналь также хранила молчание и оставалась неподвижной. Однако за эти несколько минут она дважды взглянула на часы. Возможно, она отдыхала здесь перед работой и время, каким она располагала, кончилось. А может быть, ей просто надоело сидеть без дела. Технеты – помнил Милов сообщенное ему при подготовке – не любят праздности.

Техналь встала со скамейки как раз в тот миг, когда четверть часа, отведенная Милову для ожидания, истекла. Встала и пошла, молча, даже не оглянувшись на него, не кивнув на прощание. Да, вежливость здесь явно не была в чести.

Встала и пошла? Значит, она не для того сидела здесь, чтобы приглядывать за ним? И там, перед особнячком, оказалась случайно?

Решение пришло к нему неожиданно. Милов позволил ей отойти на несколько шагов, потом поднялся и пошел вслед за нею.

Ему ведь все равно было, куда идти, потому что идти было некуда. Когда они вышли на тротуар и включились в общий ритм, он немного приблизился к ней, чтобы не потерять ее из

виду, и на ходу размышлял о возможных достоинствах и еще более возможных недостатках того плана, который только что возник в его голове.

Но продумать как следует не успел. Потому что техналь, словно спиной ощутив его присутствие по соседству, неожиданно сделала шаг в сторону, пропустила вперед четырех, находившихся между ними, и оказалась рядом с Миловым. Он постарался не выказать удивления и не сбиться с ритма.

– Зачем ты пошел за мной? – спросила она.

Милов, не колеблясь, ответил:

– У меня трудности.

Они переговаривались негромко, ступая в ногу.

– И что же?

– Меня ищут потому, что я хотел помочь тебе. Думают, что я неисправен. Я не могу идти домой.

– Возможно.

– Я хотел помочь тебе!

– Не спорю. Я знаю.

– Тогда помоги мне.

– Как?

– Мне надо где-то укрыться до завтра.

– Где?

– Там, где меня не найдут. Все равно. В подвале, на чердаке, в сарае, кладовой... безразлично.

Несколько шагов она молчала.

– Хорошо. Ты и вправду помог мне. Не погонись слисы за тобой, они схватили бы меня. И отправили бы на переналадку. А у меня есть дела в городе. И вообще...

– Ты меня выручишь?

– Попытаюсь. Иди за мной. Только не рядом. Когда нужно будет, я тебя позову. Старайся не отставать.

– Я не отстану, – заверил Милов.

6

(158 часов до)

Слишком мало времени минуло с тех пор, как технеты создали в стране свое государство, так что не удивительно, что города – и Текнис в том числе – остались в общем такими же, какими были при людях, и то, что бросилось в глаза Милову в центре – где преобладали черты, наскоро заимствованные у традиционно рыночных держав (а перенимается в первую очередь, естественно, самое поверхностное – и потому определяющее не суть дела, а лишь видимость ее, и далеко не самое лучшее) – вовсе не замечалось уже в каком-то полукилометре от того же фонтана. Иными словами, технеты жили там же и в общем так же, как делали это прежние обитатели домов и квартир. Быть может, теория новой расы и предусматривала в дальнейшем строительство обширных общежитий или казарм, что наиболее соответствовало бы машинному бытию, но даже и в государстве роботов строительство продолжало стоить денег, и даже в государстве роботов в деньгах на строительство ощущался постоянный недостаток. Это Милов понял еще раньше, так что сейчас, войдя вместе с техналью в ее обиталище и затворив за собой

дверь, он нимало не удивился увиденному. Если он и не ожидал чего-то, то разве что слов, которые произнесла техналь, едва переступив порог:

– Благодарность и слава Технеции за кров и жизнь...

Остальное же всё показалось Милову как бы уже виденным, давно и не раз. Точно в такой же комнатке жила бы одинокая представительница людского, а не технетского рода: в небольшой, тесно уставленной всякими необходимыми в быту вещами, достаточно темной (снаружи перед окном первого этажа узкая полоса земли была засажена разросшимися кустами, посаженными, надо думать, еще прежними жителями), но по-своему уютной; впрочем, Милову сейчас наверняка показались бы уютными любые четыре стены, в которых можно было укрыться от возможного наблюдения и хоть немного перевести дыхание. Повинуясь жесту хозяйки, он протиснулся между диваном и шкафом и с удовольствием уселся на стул возле небольшого стола, на котором, к некоторому своему удивлению, Милов увидел телефон и механически запомнил написанный в рамочке номер. Больше ничего интересного не было. Милов расслабился и почувствовал, что изрядно устал и ничего не имел бы против и более серьезного отдыха. А перед таким отдыхом – и это Милов тоже ощутил весьма недвусмысленно – он не отказался бы и от предложения съесть что-нибудь, и чем больше, тем лучше.

Однако такого предложения не последовало. Похоже, что приведя нового знакомого к себе и усадив на стул, хозяйка комнаты сочла свою миссию выполненной и долг погашенным, и потому перестала обращать на него вообще какое бы то ни было внимание. Правда, и сама она не стала ни есть, ни пить (возможно, технетам и не полагалось держать дома съестное); действуя так, словно кроме нее в комнате никого не было, она сняла куртку, а затем и джинсы, в которых была на улице (при этом Милов скромно потупил взор, однако техналь даже и не покосилась в его сторону, так что при желании он мог глазеть на нее сколько угодно) и накинула домашний халатик точно так же, как это сделала бы обычная женщина. Потом села в углу дивана, откинулась на спинку и закрыла глаза. Похоже было, что отключилась. Возможно, технеты были снабжены специальным устройством, позволявшим им выключаться, когда никаких действий не требовалось – просто ради экономии энергии. Это было целесообразно, и Милов на миг пожалел, что люди – и он в том числе – подобным механизмом не обладают и вынуждены расходовать энергию даже во сне.

Улочка, на которой стоял этот старый трехэтажный дом с первым каменным, а остальными – бревенчатыми этажами, с обширным двором, по периметру которого теснились то ли сараи, то ли гаражи, в далеком прошлом являвшимися, похоже, конюшнями, – улочка была глухой, и когда оба находившихся в комнатке существа устроились на своих местах и перестали производить какой-либо шум, их окружила глубочайшая тишина, в которой, если вслушаться, наверняка можно было бы уловить, как шуршит, утекая безвозвратно, время, и еще – как подкрадывается сон. «Сон идет на мягких лапах...» – вспомнил Милов стихи времен своего детства, и ненадолго увидел себя ребенком в московском переулке, около дома, в котором тогда жил – себя в толстой шубейке и круглой меховой шапке, с лопаткой для снега в руке; длинная машина «линкольн» остановилась напротив дома и громко сказала: «Олулэ» – так воспринимал он звуки ее клаксона в то время... Сигнал повторился – Милов встрепенулся, сон отпрыгнул в сторону, как напуганный зверек, унося с собой и переулочек, и мальчика с лопаткой. Сигнал был наяву. Милов шарил рукой в поисках пистолета, потом сообразил, что пистолета у него нет, оружие осталось далеко. Просигналившая машина, судя по утихавшему звуку, проехала мимо, никакой опасности не возникло – если не считать угрозы умереть с голоду, как подумал он, внутренне невесело усмехнувшись и уже окончательно просыпаясь.

Звук проехавшей мимо машины разбудил не только его; техналь тоже открыла глаза, посмотрела на него – сперва недоуменно и со страхом, через мгновение – осмысленно, узнавая и вспомнив. Хозяйка выглядела совершенно так, как любая только что проснувшаяся женщина, и Милов улыбнулся ей точно так же, как улыбнулся бы женщине.

– Слушай, – сказал он. – Как тебя называть? Я так и не знаю...

Она тоже улыбнулась – медленно, едва ли не со скрипом.

– А тебя?

– Даниил.

– По-моему, никогда не слышала такого имени.

– Оно редкое в наше время. Ну, а ты – кто?

– Леста.

– Красивое имя, – похвалил он. – Я его тоже никогда не слышал.

– Оно чисто технетское, по-моему. У нас много новых имен. Нам находят красивые и редкие.

«Значит, у технетов с именами примерно так же, как у людей, – заключил Милов про себя. – Прямо какая-то мания подражательства. Хотя официально у них только номера – внешний и второй, несменяемый, которым я, кстати сказать, еще не успел обзавестись».

– Слушай, Леста... Ты не проголодалась?

– Я не... Что ты имеешь в виду?

– Есть не хочешь?

Она бросила взгляд на часы – дешевый будильник.

– Время не наступило. Значит, не хочу.

– Да, – сказал он, – конечно. Я тоже не хочу. Просто так спросил.

Он мог бы добавить, что готов спрашивать обо всем, что угодно – и ради получения полезной информации, и еще затем, чтобы не начала задавать вопросы она; ему сейчас было бы трудно удовлетворительно ответить на любой вопрос, до такой степени он оказался неподготовленным – и жаль, что только сейчас начал понимать это. Но отступления уже не было. Хотя спрашивать было не менее опасно, чем отвечать: с каждым вопросом он, похоже, все больше демаскировал себя, приближал к тому самому провалу, которого боялся. Самым разумным сейчас было бы – молчать, но ему отчего-то казалось, что он должен что-то делать, чем-то заполнить пустоту, возникавшую в безмолвии.

– Может быть, вам на самом деле нужна какая-то помощь? – Милову показалось, что он нашел достаточно безопасную тему. – Если что-то в моих силах...

Техналь взглянула на него с удивлением.

– Отчего ты так решил? Я совершенно исправна, я же сказала.

– Да, но там, на улице... Да и здесь – ты сразу задремала.

Она посмотрела на него, и в глазах ее мелькнуло какое-то странное (подумалось ему) выражение.

– Я задремала?

– Ну, возможно ты сама не заметила этого...

– Может быть, – неожиданно легко согласилась она. – И ты тоже задремал, правда ведь?

– И я тоже, – подтвердил он. – Я немного... ну, почувствовал недостаток энергии. Слишком давно не пополнял ее запас.

– Понимаю... – протянула она таким тоном, который, похоже, свидетельствовал как раз о противоположном. – И у меня то же самое. Был энергетический перебой – там, на улице.

– У тебя тяжелая работа?

Она подумала, прежде чем ответить.

– Скорее нервная. Я недавно вернулась с производства. Из Круга.

– С производства – чего? – Вопрос вырвался непроизвольно, и Милов слишком поздно сообразил, что задавать его, вернее всего, не следовало.

– У тебя, похоже, не только с энергетикой плохо, – озабоченно проговорила Леста. – Ты что – стал уже забывать самые простые вещи? Просто у меня пришло время превенции.

Милов заставил себя улыбнуться.

– Ты не говори об этом никому – о том, что у меня такие перебои с памятью, ладно?

После паузы она кивнула.

– Не скажу. Ты ведь помог мне – и может быть, как раз потому, что у тебя какие-то системы не в порядке. Если бы с тобой всё было нормально, ты наверняка прошел бы мимо – как все остальные.

– Да, – согласился он. – Может быть. Но, знаешь, я вспоминаю понемногу. Конечно, производство – очень тяжелая работа.

Леста неожиданно улыбнулась – как если бы Милов сказал что-то очень смешное; но тут же снова стала серьезной.

– Работа, конечно, тяжелая.

– Я мешаю тебе по-настоящему отдохнуть?

– Чем же? Ты ничего такого не делаешь.

– Ну, просто своим присутствием...

– Здесь достаточно места, чтобы дышали двое. Даже пятеро могли бы дышать в этой комнате. А сейчас давай помолчим. Наступили минуты поглощения информации.

– Да, конечно, – поспешно подтвердил он.

Что-то как будто щелкнуло внутри аппарата на столике около дивана; Милову сперва показалось, что это приемник, потом он сообразил, что всего лишь динамик трансляционной сети. Принудилровка – как называлось это устройство в дни его детства.

Прошло не более минуты – и после сигнала точного времени диктор произнес:

– Актуальная информация на вторую половину нынешнего дня. Требуется особое внимание. Каждый технет должен быть настороже на улице, на работе и дома. Остерегайтесь незнакомых. Не совершайте поездок в восточном направлении, в семидесяти километрах от города начинается зона срочного ремонта дорог, проезд по ним закрыт. Технеты второй учетной категории приглашаются в точки организации. Всем, всем: не впускайте в ваши жилища никого, чью сущность вы не можете удостоверить; не вступайте в разговоры; не верьте слухам, полагайтесь только на официальную информацию; при малейшей надобности прибегайте к помощи Сипо. Количество патрулей Сипо сегодня удвоено. Не проявляйте излишнего беспокойства: в стране протекают нормальные процессы развития, и все остаются на своих местах. Теперь прослушайте сообщение о погоде...

Сообщение о погоде Милов пропустил мимо ушей, но услышанное перед тем показалось ему заслуживающим внимания. Дороги на восток перекрыты, и вроде бы ожидается проникновение в Текнис нежелательных сил. Это говорило о том, что отряд с тренером во главе действовал в соответствии с диспозицией. То есть, в намеченном месте, или близ него, отделался от своих сопровождающихся и скрылся в лесу, чтобы достичь нужного места – точки исчезновения команды, как у них это называлось: исчезновения от ненужного внимания. Жаль, информация оказалась слишком скупой. Это могло означать лишь то, что задержать отряд не удалось, и у властей не было представления о том – кем же были люди, незаконно оказавшиеся на этой территории и оказавшие сопротивление. Что же: думать так было приятно. Когда сказать правду стыдно – врут, оказывается, и технеты.

– Всё, как у людей... – пробормотал он скорее самому себе, чем Лесте. Она, однако, услышала.

– А откуда тебе знать, как делается у людей?

Он не ожидал такого вопроса.

– Ну... странно было бы не знать этого – в мои годы.

– А, ну да, – сказала она. – Конечно.

И снова у него возникло впечатление, что он сказал не то, что следовало бы. «Нет, – подумал он, – если завтра я не встречу, кого нужно, и не получу исчерпывающей информации о том, как мне надо себя вести, я сверну всю операцию и постараюсь выбраться отсюда как

можно быстрее, если даже придется для этого использовать команду и пробиваться с шумом. Я всё время делаю не то, но если бы знать, как делать то, что нужно... Мы слишком поверхностно отнеслись к тому, что действовать придется не среди людей: людские реакции в общем рассчитать всегда можно, но как мыслят роботы – для нас полная загадка. Ну а сегодня – нужно прекратить все разговоры. Додержаться тут до утра – и либо встретиться, либо исчезнуть, третьего выхода нет. Прекратить разговоры. Похоже, единственный способ сделать это – лечь спать. Когда спишь – или делаешь вид, что спишь – имеешь право не поддерживать беседы. Думаю, что желание отдохнуть не покажется ей неестественным: она ведь сама признала, что со мной не все в порядке и мне не помешает восстановить энергию».

Милов высказал эту мысль вслух; Леста не удивилась и не стала возражать.

– Наверное, это будет самое лучшее, – сказала она.

– Прекрасно. Где ты меня положишь?

Она взглянула удивленно.

– По-твоему, мы здесь не уместимся?

При этом она кивнула на диван.

– О, конечно, – сказал он, стараясь оставаться совершенно спокойным.

Ну конечно; технеты ведь по сути бесполо, хотя внешность их и может ввести в заблуждение. На самом деле они – среднего рода. Так что нет ничего необычного... Всего лишь копии людей... Во всяком случае, именно такова информация, какой меня снабдили перед вылетом.

«Очень удачные копии, – пришлось признать ему, когда он оказался вынужденным наблюдать за тем, как Леста раздевалась, нимало не стесняясь его, не выключая света. – Если бы я не знал, что это техналь... Но надо и в самом деле спать. Завтра нужно быть в форме, в наилучшей форме, на какую я еще способен...»

7

(150 часов до)

Сон нокаутировал Милова; считай хоть до ста – он так и не пришел бы в себя, и пришлось бы уносить его с ринга на носилках. Сновидения были сложными, какими-то многослойными, типа матрешки – сон во сне, и тот, в свою очередь, тоже во сне, а порою казалось, что туманная пелена сна вот-вот рассеется окончательно – настолько прозрачной становилась она, и за ней уже мерещилась реальность, – но все вновь густело, и продолжалась странная, потусторонняя жизнь, которой все мы живем и которую объяснить никто не в состоянии – можно только догадываться. В этом глубоком сне рассудок, наверное, и в самом деле покинул брэнную свою оболочку, и пока он путешествовал по многим и многим измерениям и временам – тело жило своею, телесной, чувственной жизнью, ни у кого ничего не спрашивая и еще меньше собираясь давать хоть какой-то отчет. Лишенное информации и верящее только собственным ощущениям, тело действовало так, как повелевал инстинкт: почувствовав близость другого тела – живого, теплого, – оно пустилось на поиски сходства или разницы, и разницу эту быстро и привычно обнаружило и сразу же соответственно отозвалось – прикасаясь, лаская, проникая, становясь все настойчивее и устремленнее, отвергая всякие попытки возразить. Впрочем, таких попыток со стороны другого тела на самом деле и не возникало, скорее лишь намеки на них, более демонстративные, чем рассчитанные на успех. На самом деле другое существо почти сразу же стало отвечать на ласки – кто знает, осознанно или тоже повинувшись извечной программе; все шло так, как и должно было идти, естественно и последовательно, пока оба тела не слились окончательно – однако каждый и так представляет, что и как было с теми

двумя в одной постели в отсутствие рассудков, уж непременно постаравшихся бы помешать. А позже, когда рассудки вернулись из пространства сна в наш трехмерный мир и заняли предназначенные места, каждое в своей плоти, тела отреагировали на это разве что тем, что еще теснее сдвинулись одно с другим, не прерывая начатого, но напротив, намереваясь повторить; здравым смыслом оставалось лишь притаиться до поры до времени – чтобы уж потом (а это «потом» неизбежно наступает) отыграться; если только удастся, конечно. Но когда настал миг и двое в постели открыли наконец глаза и осмысленно посмотрели друг на друга – ничего не произошло такого: они не отпрянули один от другого, не издали возгласов смущения хотя бы, даже не покраснели, но просто улыбнулись, ни слова не вымолвили ни он, ни она, и продолжали лежать: неяркий свет за окном свидетельствовал о том, что день еще не начался, и вставать было бы преждевременным.

В оправдание обоих можно сказать лишь одно: с вечера подобных намерений ни у кого из них не было, планов никто не строил и занимали и его, и ее совсем другие мысли – правда, отнюдь не одинаковые, что легко понять. Иными словами, все получилось непроизвольно и естественно – и, значит, наилучшим из всех возможных образом. Но при всем этом каждый из них предпочел сделать вид, что ничего не было, а если и было, то забылось сразу же и навсегда.

Но и время вставать тоже пришло в конце концов.

8

(149 часов до)

Вот тогда-то рассудок и принялся за свою пакостную работу. Нет, вовсе не стал упрекать за уже сделанное, отлично понимая, что прошлого не вернуть и не изменить. Но стал хитренько представлять дело так, что ничего, собственно, такого не произошло – ну мало ли, с кем не бывает, тут все взрослые, никому и ничем не обязанные... Даже хорошо, получена важная информация: оказывается, техналь в этой области совершенно ничем не рознится от обычной женщины, но, в отличие от многих женщин, вовсе не является фригидной, напротив. Итак, все произошло к лучшему, но поскольку это никак не лучший из миров, то и нет никакой причины расслабляться, погружаться в лирику, предаваться романтическим мыслям и вообще отвлекаться от главного; наоборот, надо еще строже следить за собой и за нею и не допускать более никаких осечек до самого конца, до мгновения, когда он покинет этот дом, чтобы отправиться на встречу к фонтану – туда, где уже был вчера и где, надо надеяться, сегодня ему повезет больше. Да, именно так надо было сейчас вести себя – однако и не переусердствуя в прохладной невозмутимости: если встреча не состоится и сегодня – придется где-то переждать еще три дня, до следующего срока, а другого места, кроме этой вот комнатенки с ее хозяйкой, Милов не знал. Значит, надо было сохранять спокойствие во всем – как, скорее всего, делал бы настоящий технет; похоже, что другого отношения Леста и не ждет – во всяком случае, сама она ведет себя именно так. Может быть, все это – действительно лишь стечение случайностей, однако возможен и другой вариант...

Пока Милов умывался над раковиной в углу, эти и подобные мысли быстренько прошуршали в голове, оставляя извилистый, как змея на пыльной дороге, след. Леста тем временем накрывала на стол. Завтрак оказался весьма умеренным – чтобы не сказать скудным: какие-то хрустящие кусочки (синтетика, что ли? Нет, кажется... но дома есть такое не приходилось никогда. Что-то эта жратва напоминает, никак не сообразить только – что именно; да ладно – выбирать не из чего, остается надеяться, что это не отравка для нежного человеческого организма). Сомнения Милова, впрочем, никак не отразились ни на лице его, ни на поведении –

он хрустел себе и хрустел, пока посуда не опустела. Запили кипятком, подкрашенным слабой заваркой, вместо сахара была вроде бы карбоксилаза – ее Милов брать не стал, помнил, что от нее болит голова, а у него и так хватало причин для головной боли.

Поев – начали собираться, ни о чем не разговаривая, стараясь даже не встречаться взглядами – не из смущения, но как раз для того, чтобы не начинать никакого обмена мнениями: никто не стремился раскрывать свои планы и намерения на предстоящий день. Сборы, собственно, заключались только в том, что Леста убрала со стола посуду и надела куртку; технетский гардероб разнообразием не отличался. Милов стоял уже у двери.

– Мне пора, – объявил он кратко.

Леста кивнула:

– Я тоже иду.

– Лучше выйдем порознь. Я первым.

– Хорошо. Мне все равно нужно еще позвонить по делу. А телефон на втором этаже. Ты успеешь отойти достаточно далеко.

– В случае чего – ты меня не знаешь, я у тебя не был.

Он ожидал, что она улыбнется, но она ответила серьезно:

– Да, конечно.

– Наверное, не вернусь.

Она только кивнула, лицо не выразило ничего.

Надо было уже идти; он бессознательно медлил.

– Спасибо тебе, – сказал он. – За все.

Вот тут она неожиданно улыбнулась. Но лишь мгновенной улыбкой. И повернулась спиной – наверное, чтобы он ушел, наконец.

Милов осторожно приотворил дверь. Войти и выйти – это как летчику взлететь и приземлиться: самые опасные мгновения. Но за дверью все оказалось спокойно: пустынный коридор, и в конце его – выход на тихую улицу.

Он перешагнул через порог и пошел, не оборачиваясь.

9

(147 часов до)

Путь до фонтана, до городского центра занял, как он и предполагал, сорок с небольшим минут. За это время, шагая в ритме, никого не обгоняя и не отставая, Милов успел совсем прийти в себя и настроиться на предстоящие, возможно, дела.

Он старался заметить признаки какого-то беспокойства, неблагополучия в городе, что было бы естественно после вчерашней информационной передачи; все, однако, представлялось спокойным, обычным, народу на улицах было не меньше и не больше, чем вчера, трамваи, автобусы, машины двигались с прежней плотностью. Все прекрасно, словом. И все же что-то происходило в стране – пусть и не в столице, а на востоке, но что-то происходило. Если сейчас встреча не состоится, то на предстоящие три дня выжидания надо будет, пожалуй, направиться именно туда – понять, что и почему происходит и обогатить свои запасы информации: ее, как правило, больше всего бывает именно там, где что-то происходит, потому что события и происходят вследствие возникновения какой-то новой информации. Как пробраться, если дороги перекрыты? Ну, это уже, как говорится, дело техники...

Обдумывание способов проникнуть на закрытую территорию и заняло почти все время; он занимался этой работой, заранее зная, что на местности все получится не так и придется принимать другие решения. Однако сам процесс размышления действовал успокаивающе.

Перед тем как приблизиться к фонтану, он сделал широкий круг, исподволь приглядываясь. Ничего, что могло бы его встревожить, он не заметил, да и интуиция подсказывала, что никакой угрозы сейчас не было. И даже места на скамейках есть. В том числе и на той, на которой он должен был усесться и ждать.

Милов подошел к скамейке, повернулся спиной, чтобы непринужденно опуститься на нее. И замер на миг.

К скамейке приближалась с противоположной стороны – от бульвара – Леста. Она смотрела прямо на него, и этот ее взгляд даже оптимист не назвал бы добрым.

Но и его нимало не обрадовало появление технали; уже утихомирившиеся было подзрения вспыхнули газовым факелом. Сам того не сознавая, он стиснул кулаки. Но вовремя спохватился: технеты не проявляют эмоций! – и лишь отвернулся, понимая, что не в его силах помешать ей подойти и сесть на ту же скамейку. К счастью, она опустила на жесткое сиденье не рядом с ним, а поодаль, насколько это было возможно – уселась на противоположном конце достаточно длинного сиденья. Она тоже не смотрела в его сторону, даже головы не повернула, и тем не менее он продолжал ощущать ту ненависть, что ясно прочиталась в ее глазах, когда их взгляды на мгновение встретились только что.

Сколько-то времени протекло в безмолвной взаимной ненависти, прежде чем Милов глянул на часы – небрежно, вскользь. Уже совсем мало минут осталось до истечения условленного срока; все ясней становилось, что и сегодня встреча не состоится. Но теперь Милов начал уже догадываться, почему: вероятно, Леста была известна тем, с кем ему предстояло встретиться, и они не хотели – или не должны были – устанавливать контакт в ее присутствии. Она пасла его, вероятнее всего; все было театром, начиная со вчерашнего уличного происшествия, после которого представители власти так быстро его потеряли. На самом же деле (соображал он) они издали вели его до того самого момента, пока он не заговорил с нею здесь, на этом самом месте; после этого им не о чем больше было беспокоиться. Постой, а как они могли знать, что именно здесь надо ждать его? Выходит, место randevу им известно, они не знают только, кто придет на свидание; это-то и хотят установить. Все очень просто, никаких загадок, ничего сверхъестественного...

Да, чудесно. Вывод отсюда следовал лишь один: немедленно уходить. Куда угодно. В пустоту. Раствориться. Пусть, если хотят, гонятся за ним – но зато не пострадает никто другой из немногих, видимо, еще уцелевших здесь...

Тут же он заспорил с самим собой. Если именно ее присутствие – причина того, что к нему никто не подходит, значит, те, кто ему так нужен, еще раньше прочитали ситуацию и никто сюда не подойдет. Однако встреча должна произойти – иначе все зря. Они понимают это не хуже, чем он сам, и непременно будут искать возможность войти в контакт. Не здесь, разумеется; но если он просто пойдет по улице, то наверняка ему каким-то способом дадут понять, что и как нужно делать. Кто-нибудь, обгоняя или идя навстречу, обронит два слова, или сунет записку в руку, или мало ли еще как. Только это обязательно должен будет быть некто с большим родимым пятном под левым глазом; если обстановка позволит, Милов скажет этому меченому: «Никак не могу оторваться от этого фонтана», на что в ответ последует: «Свободно текущая вода – основа нашей энергетики», после чего Милов, помолчав, начнет негромко напевать популярную некогда в этих местах песенку: «Лето было в разгаре, и пели луга и леса. Ты шла мне навстречу в зеленой косынке своей...» Тут он закончит, и после маленькой паузы его собеседник в свою очередь запоеет – другую песню, тоже всем давно знакомую: «На пустынном морском берегу как-то встретились двое; он приплыл из далекой страны, она много лет ожидала...». Только после всего этого и будет установлен настоящий контакт. Но это всё – в

спокойной обстановке, а для начала неплохо будет и услышать хоть два слова – от существа с родинкой... Поэтому сейчас необходимо не торопясь встать и, не оглядываясь, уйти не в ту сторону, откуда пришел, но в противоположную...

Он встал медленно, как и собирался, но следующего условия не выполнил: не утерпел и хотя не оглянулся, но все же покосился на нее – чтобы убедиться, наверное, что Леста не собирается вскочить, чтобы последовать за ним по пятам. Но нет, она не собиралась. Она даже не смотрела в его сторону – он находился слева от нее, а ее взгляд был направлен наискось вправо, техналь была видна слева в профиль: прядь волос, ровная линия носа, глазная впадина, а под левым глазом, почти на скуле...

Милов не сделал второго шага. Моргнул. Нахмурился. Ничего такого не было раньше на ее лице. Была гладкая кожа. Еще сегодня, какой-нибудь час с небольшим назад. А сейчас – большое, коричневое родимое пятно. Мушка. Но это...

«Ловушка, – пронеслось в голове, – тебя ловят на блесну. На муху ловят. Там наверняка крючок. Острый, с бородкой. Родинка. Но... Но...»

Он заставил себя подойти к ней вплотную. Просто-таки подтащил. Не мог поверить. Но обязан был.

Он кашлянул. Леста медленно повернула голову, хотя боковым зрением наверняка заметила, как он приближался. Она окинула его взглядом с ног до головы, словно видела впервые – выражение глаз было презрительным – и столь же медленно отвернулась. После такого приема обычно остается только уйти. Но этого Милов сейчас не мог себе позволить.

– Никак не могу оторваться от этого фонтана... – проговорил он условную фразу, стараясь, чтобы голос звучал совершенно естественно.

На этот раз ее голова повернулась резко. Лоб нахмурился. В глазах было недоверие вперемишку с удивлением. Мгновение она колебалась.

– Свободно текущая вода – основа нашей энергетики. – Она произнесла слова чуть ли не с вопросительной интонацией.

Тогда, уже почти не сомневаясь более, он запел без малого ликующе – так, словно эта женщина действительно дожидалась его многие годы, и только ради нее он прибыл из дальних стран – только чтобы увидеть ее в зеленом платочке... который, кстати, и был тут как тут – пусть не платочек, а шарфик, не на голове, а на шее – но был, был...

Леста медленно поднялась со скамейки.

– Великий Альмир! – сказала она, и голос ее вовсе не звучал ласково. – Какой идиот! И я тоже хороша... Идемте быстрее.

– Куда? – невольно спросил он.

– Все равно. Подальше отсюда!

10

(146 часов до)

– Ну почему, почему сюда послали такого бездарного агента! – негромко, сдавленно говорила Леста, пока они шли по плавно изгибавшейся аллее центрального городского парка.

– Сначала скажите: куда это мы так летим?

– Не знаю. Какая разница?

– От чего спасаемся?

– От сипо, естественно.

– Почему бы не вернуться к вам?

– Потому что там они уже поджидают вас.

– Откуда вы знаете?

– Да я сама их вызвала. По телефону... Когда вы ушли.

– Чего ради?

– Потому что вы слишком уж были похожи на провокатора, на этакую подсадную утку – довольно неумелую, или, быть может, наоборот...

– Откровенно говоря, не понимаю.

– Ну, все ведь совершенно ясно! Вы начали с того, что демонстративно открыто показались перед бывшей явкой, хотя все знают, что она провалена бесповоротно. И вообще – вели себя именно так, чтобы даже несмышленишу стало бы понятно: вы человек, и притом пришлый – или же очень стараетесь, чтобы вас за такого приняли. А тут у нас, как вы несомненно знаете, – во всяком случае, должны знать, – укрывательство таких людей считается одним из самых серьезных преступлений против государства, против технетской идеи. Наказания очень суровы. И я подумала, что самым лучшим было бы – сдать властям их собственного провокатора. Вот почему я позвонила. Сказала, что вы, возможно, еще вернетесь. Так что ко мне больше нельзя. Не знаю даже, следует ли мне самой... Ну, и кроме того... – она запнулась на мгновение, – мне казалось, что человек оттуда – разведчик – должен быть, ну, как бы это сказать...

– Суперменом во цвете лет, – договорил за нее Милов. – А не существом преклонного возраста, так? Только я вообще-то не разведчик. А кроме того – не вы одна так представляете, мне это на руку. Ничего, я не обижаюсь.

– Нет, я вовсе не это хотела сказать... – Она совсем смешалась.

– Ага, – сказал он невесело. – Вот почему вы постарались ночью сделать так, чтобы я уснул покрепче.

Она слегка покраснела:

– Вовсе нет! Это получилось как-то... само собой.

– Спасибо и на этом, – сказал Милов. – По крайней мере, сейчас я знаю, чего мне ожидать. Но в чем же я так засветился? Полезно будет усвоить на дальнейшее. Если оно будет, конечно.

– Да господи, на каждом шагу... Когда мы пришли ко мне, я, как полагается, произнесла формулу благодарности стране за кров. Вы промолчали – а должны были повторить то же самое. Потом, когда наступило время углубления, вы решили, что я просто задремала – и дали понять это; не знать таких простых вещей может только человек, впервые попавший в Технецию. Ну, и еще, и еще... Неужели вас не могли как следует подготовить?

– Если бы вы знали, Леста, как мало у нас информации обо всем этом... Вот и вы не удосужились своевременно сообщить насчет нравов и обычаев.

– Насколько я знаю, мы всегда только отвечали на вопросы. А таких вопросов нам не задавали. Конечно, Мирон знал об этом больше. Но его нет.

– Мирон – резидент?

– Вы должны знать это.

– Я и знаю. Откровенно говоря, я не сразу опознал вас потому, что меня должен был встретить мужчина. Что с ним? Сгорел? Вряд ли: тогда вы не сидели бы дома так спокойно, не разгуливали бы по городу. Что же произошло?

– Он отправился в Круг. После провала явки.

– Объясните.

– Так называется место, где – мы собрали эту информацию по клочкам – находится, может находиться то, что интересует вас.

– Уточните. Что может находиться там?

– Там растут грибы. Если не все, то хотя бы некоторые... Мирон надеялся выяснить это на месте, чтобы вы могли сразу же начать работу. Он поехал туда. Уже не в первый раз: ему

приходилось бывать там и раньше, да и мне тоже: Круг – это место, где находится центр так называемой человеческой оппозиции...

– С Орланзом во главе?

– Вы уже знаете...

– Очень мало. Об Орланзе слышал.

– Мы считались принадлежащими не к самой оппозиции, но к сочувствующим технетам.

Вам следовало бы знать, что вовсе не каждый технет безоговорочно поддерживает принципы исключительности и ненависти. Не так уж мало их выступает за возвращение к людскому...

– Леста... А вы – техналь? Или женщина все же?

Она помедлила.

– А вы сами не можете ответить – после того?

– Если бы мог – не спросил бы.

– Откровенно говоря, я уже сама не понимаю – кто я. Все мы, живущие здесь... Но это не относится к делу. Так или иначе, мы туда вхожи. Из Круга временами удавалось добыть интересную информацию. И вот как будто бы туда не так давно доставили...

– Я понял. Итак, Мирон отправился туда.

– Чтобы проверить, я уже сказала. И исчез.

– И никаких сведений о нем?

– Ну, какие же могут быть оттуда сведения? Опять вы не понимаете...

– Ладно, может быть, когда-нибудь пойму. Давайте работать. Что еще у вас есть для меня?

– По-моему, я все сказала. Разве что...

– Говорите все до конца.

– По-моему, он отправился туда, потому что возникла какая-то информация, связанная с вами. Он успел сказать мне, что вам не следует приезжать, но не сказал – почему. Я, когда он не вернулся, передала это – но вы были уже в дороге.

– Интересно... Но сделанного не вернешь. Тем больше у меня причин пробраться в то место, куда он так стремился – поскольку это касается меня. Как туда попасть? Где находится этот самый Круг?

– Надо ехать до станции Сандра на поезде...

– Знакомые места. Очень хорошо. Дальше?

– Перейти линию. Там только одна дорога. Пройти до развилки. Путь в Круг – левая дорога. Но там – глухой забор. Место очень строго охраняется, и пробраться туда практически невозможно. Боюсь, что Мирон сгорел именно при такой попытке.

– Возможно. Но мне необходимо попасть туда.

– Тогда вы пойдете по правой дороге. И дойдете до придорожного ресторанчика. Там по вечерам собираются люди Орланза.

– Думаете, они мне помогут?

– Конечно, нет. Но уже сегодня вечером там должна быть и я. И может быть, что-нибудь придумаем...

– А завести знакомства с людьми из Круга – просто?

– Те, кто там работает, там же и живут, и в столице возникают крайне редко – и всегда под надзором.

– Как это место называется?

– Производство-два.

– Есть и другие производства?

– Первое – это собственно производство технетов. Оттуда они выходят. Это место называется Базой. Но о нем у нас практически ничего нет.

– Не густо...

– Поработайте здесь сами!

- Каждому свое. Что же, задача мне ясна.
- Послушайте... я даже не знаю вашего имени...
- Это неважно.
- Мне очень неприятно: выходит, я сдала вас им...
- Я все понимаю. В той обстановке ничего другого, наверное, вы и не могли сделать. Но самое позднее через час меня уже не будет в городе.
- Во всяком случае, теперь вы знаете, где меня найти уже этим вечером.
- Постарайтесь не попасть еще в какую-нибудь неприятность. Что с вами, кстати, стряслось тогда на улице?
- Какое-то мгновенное нарушение регуляции... Может быть, потому, что у меня была нелегкая ночь.
- В каком смысле?
- Эта информация вам не нужна.
- Нарушение регуляции, – повторил он. – Так вы техналь все-таки?
- Леста слабо улыбнулась:
- Я же сказала: если бы я сама понимала...
- Объясните. Не очень-то понятно.
- Она пожала плечами.
- Даже не знаю, что и как тут можно объяснить... Видите ли, я однажды уже исчезала.
- Как это понять?
- Исчезновение? Ну, представьте: вы просыпаетесь утром – и вдруг оказывается, что вы ничего не помните. То есть, знаете, как вас зовут, понимаете, что находитесь у себя дома, вам известно, что и как вы должны делать, куда идти и так далее. Но о том, что было вчера и еще раньше – ни малейшего представления. Начинаете как бы жить с чистой страницы.
- Гм... Это интересно. Леста, но вот то, что вы делаете... по поводу чего мы с вами встречаемся – это тоже возникло после исчезновения?
- Откуда мне знать? Может быть, да, может – нет...
- Вы помните, как начинали эту работу?
- Самое начало? Нет... нет, не помню. Странно: никогда и не пыталась вспомнить. Интересно, правда?
- «Значит, это было предвидено, – подумал Милов. – Ей поставили блок. Следовательно, блок помогает. Для меня это очень важно: дает новые возможности... Конечно, блок: иначе ее давно не было бы в живых».
- Вы не могли бы, Леста, рассказать об этом подробнее?
- Теперь уже некогда. Вам надо поспешить: сейчас они ждут вас у меня или где-нибудь по соседству, но вскоре наверняка перекроют все ходы и выходы. К сожалению, они теперь знают, как вы выглядите...
- Неприятно, конечно. Леста, почему же вы не раскрылись сразу – когда я подошел к вам у фонтана в первый раз?
- Да все потому же: узнала в вас того, кто пытался помочь мне на улице. Это было так непрофессионально, что я сразу заподозрила в вас провокатора. Ну, а при малейшем сомнении, как вы сами знаете...
- Спасибо за то, что не прикончили меня, – усмехнулся Милов.
- Она серьезно ответила:
- Могло быть и так. Я просто решила передоверить эту работу им самим.
- О'кей, – сказал он. – Как, по-вашему, мне сейчас проще и надежнее выбраться из Текниса?
- Пожалуй, через рынок. Кажется, ничего лучшего сейчас не придумать. Подходит уже время, когда начнется разезд оттуда, и те, кто с утра привозил продукты на продажу, потя-

нутя из города восвояси. Если бы вы смогли как-то пристроиться к ним... Их обычно проверяют достаточно условно. Я попыталась бы помочь вам в этом, однако за мной сейчас тоже будут следить, ожидая, что вы захотите со мной встретиться. Поэтому не приглашаю вас ехать в Круг со мной.

– Но это ставит под угрозу и вас?

– Думаю, что не вполне. Я описала вас, как весьма озабоченного сексуально и выражавшего ясные намерения...

– Понял. Следует считать это комплиментом?

– Как пожелаете. Во всяком случае, теперь они будут, конечно, приглядываться, но не только ко мне, а и ко всем техналям, которые могут вызвать такого рода интерес у маньяка. Что же касается меня...

– Кстати: вы даже не сказали мне, какова ваша крыша.

Леста отвела взгляд в сторону. Помолчала.

– Я уже сказала: вам не обязательно знать это.

Милов не стал говорить, что догадывается. «Жаль ее, конечно, – подумал он. – Но позиция удобная, безусловно. Знакомства, встречи, разъезды – все оправдывается...»

– Будьте осторожны, – проговорил он.

– Вы тем более. Где рынок, знаете?

– Еще бы. Итак, я исчезаю. Наверное, вы еще понадобится; я вас найду.

– Найдете в Круге. Но если меня потом не окажется в городе, значит, я попала на Производство-один. Или меня вообще устранили.

– Ну, – сказал Милов. – Такую красивую женщину...

– Теряете время, – она даже топнула ногой, сердясь.

– Меня уже нет, – сказал он и пошел прочь.

Леста повернулась и направилась в противоположную сторону выразительной походкой прогуливающейся девицы.

Глава четвертая

1

(140 часов до)

Технет, привозивший на рынок свинью для продажи, на своем пикапе подбросил Милова до удобного места и взял за услугу самую мелочь. От перекрестка, на котором он высадил Милова, до станции Сандра оставалось пройти не так уж много. Можно было попробовать пробраться лесом, однако Милов рассудил, что безопаснее будет идти по дороге: вблизи закрытого района в этот час суток, уже слишком поздний для грибников, человек, пробирающийся лесом вызовет больше подозрений, чем просто и открыто шагающий по дороге. Конечно, если в нем заподозрили просто психически больного, – странности его поведения, о которых сообщила властям Леста, можно было ведь объяснить и таким образом, – то большой тревоги поднимать не станут: не больно-то он им и нужен. Но если у сипо возникли более опасные для него предположения... В любом случае рисковать не следовало.

В лес он углубился лишь тогда, когда от уже знакомой ему станции его отделяло совсем немного. Оставшееся до вечера время – часа четыре – он использовал для того, чтобы, отдыхая неподалеку от заложенного им тайника, где была спрятана сумка со снаряжением, примерно представить, что же он может здесь найти и каким образом это найденное использовать.

«Мне нужно встретиться с пресловутым Орланзом, – размышлял Милов неторопливо, позволяя себе понежиться под теплым – в самый раз – здешним солнышком. – Это имя возникало уже дважды: в разговоре с Хоксуортом, а второй раз его утром упомянула Леста. Интересно. Там мне его назвали не зря: видимо, он является одним из источников информации, поступающей отсюда; информации, которой мои наниматели почему-то не весьма доверяют. Иными словами, мне ненавязчиво предложили поинтересоваться тем, насколько она правдива; это – раз. Второе: было сказано, что при крайней необходимости я могу просить у него помощи – однако же, никак не подставляя его. Значит, этот Орланз наделен некоторыми возможностями в этом мире. Таким образом, идя на контакт с ним, я не нарушаю данных мне инструкций; напротив, я их выполняю. Вот то, что касается моей, так сказать, классной работы, ответа у доски: я пытаюсь выяснить у Орланза, каким образом можно получить доступ к тому, что касается производства технетов: сырье, средства и, наконец, технология. Прекрасно. Но у меня есть еще и домашнее задание, о котором я тоже обязан думать, задание, касающееся тех самых грибов, за которыми пошел Ваня – и пропал. Ваня, в легальной своей жизни – Мирон. Если верить Лесте, направлялся он именно сюда и исчез где-то здесь – значит, полагал, что информацию такого рода можно получить именно тут. Придется идти по его стопам – с тем, чтобы в критический миг свернуть в сторону, не подставить себя, как это, вероятнее всего, произошло с ним. Итак – грибная проблема: попытаться поймать хотя бы намек на то, где они могут храниться, как можно к ним добраться, и – предел мечтаний – что с ними собираются делать те, кто нынче ими распоряжается. Вот таков круг задач на ближайшее время. Как решать эти задачки? Способ пока видится один-единственный: контакты со здешними обитателями. Установить контакты – а дальше игра сама начнет подсказывать ходы.

Что же: будем продвигаться последовательно, шаг за шагом. И начать необходимо с того, чтобы без лишней суеты выйти на этот самый Круг. Когда-то ведь бывал я в этих местах...»

Сосредоточенно вспоминая, ориентируясь по возникавшей в памяти карте, Милов пытался наложить на реальную местность указания Лесты; они казались простыми, когда она объясняла – но, как всегда бывает, на месте обнаружилось немало лишнего – того, о чем она не упоминала, всяких дополнительных стежек-дорожек, в которых надо было разобраться. Он отсекал одно направление за другим, пока наконец не выбрал для поиска самый перспективный вроде бы маршрут: те места, где раньше, в давние времена, размещалось некое предприятие, подконтрольное его тогдашнему ведомству. Пожалуй (к такому выводу пришел он), именно в таких местах удобнее всего размещать производства, которые желательно укрыть от излишне любопытствующих, а также – располагаться людям, не желающим, чтобы их беспокоили и навещали без их ведома. Хороший, надежный забор может быть равно необходим и тем, кто остается вне его, и тем, кто располагается внутри. И между концлагерем и крепостью нет технологической разницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.